

Автор бестселлеров #1 *New York Times*
САРА ДЖ. МААС

ЖЕНЩИНА-КОШКА
ПОХИТИТЕЛЬНИЦА ДУШ

DC Icons Series

Сара Маас

**Женщина-Кошка.
Похитительница душ**

«АСТ»

2018

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Маас С. Д.

Женщина-Кошка. Похитительница душ / С. Д. Маас — «АСТ»,
2018 — (DC Icons Series)

ISBN 978-5-17-111879-2

Когда мышки дома нет, кошка шлет ей свой привет. Бэтмен уступает Женщине-Кошке место на сцене. Сколько у этой кошки жизней – не знает никто... Юная Селина Кайл, выросшая в трущобах Ист-Энда, внезапно исчезает – чтобы через два года вновь появиться в городе, но уже под именем Холли Вандериз, таинственной богачки. Ей суждено сыграть важную роль в судьбе Готэма.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-111879-2

© Маас С. Д., 2018

© АСТ, 2018

Содержание

Ранее	6
Глава 1	7
Глава 2	19
Два года спустя	27
Глава 3	28
Глава 4	31
Глава 5	36
Глава 6	39
Глава 7	45
Глава 8	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Сара Дж. Маас

Женщина-Кошка. Похитительница душ

Женщинам, которые безумствуют и отрываются по полной

Sarah J. Maas
CATWOMAN. SOULSTEALER

This translation is published by arrangement with Random House Children's Books, a division of Penguin Random House LLC

Copyright © 2018 DC Comics.
CATWOMAN and all related characters and elements © & TM DC Comics. WB SHIELD:
TM & © WBEI. (s18) RHUS38091

Jacket photography by Howard Huang Logo design by Stuart Wade

© А. Платонова, перевод на русский язык, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Ранее

Глава 1

Ревущая толпа за канатами ринга ее не заводила. Она не волновалась, не нервничала, не переминалась с ноги на ногу. Нет, Селина Кайл просто поводила плечами, разминаясь – раз, еще раз.

И ждала.

Дикий рев несся по грязному коридору, но, достигнув раздевалки, превращался в отдаленные раскаты грома. В грозу наподобие той, что накрыла Ист-Энд, когда Селина вышла из дома. Она успела промокнуть насквозь, пока добиралась до тайного входа в метро, где переплетались ходы подпольного игорного мира, принадлежавшего Кармайну Фальконе. Действующий глава подпольных банд Фальконе замыкал бесконечную вереницу своих предшественников.

Но, как и любая гроза, этот бой пройдет.

Селина проверила, надежно ли она закрутила в тугий пучок еще мокрые длинные темные волосы. Однажды она допустила ошибку, собрав волосы в хвост на затылке – это был ее второй уличный бой. Соперница тогда схватила ее прямо за хвост, и те несколько секунд, пока ее шея была абсолютно уязвима, показали Селине самыми долгими в жизни.

Но она победила, хоть и с трудом. И усвоила урок. С тех пор каждый бой был для нее уроком, где бы она ни дралась – на улицах или под Готэмом, на ринге, втиснутом между канализационными трубами.

Неважно, кто сегодня станет ее соперником. Разброс между кандидатами был небольшим – все это были отчаявшиеся должники, которые не могли расплатиться с Фальконе. Глупцы, готовые встретиться с одной из Пантер на ринге и рискнуть жизнью, чтобы покончить с долгами.

Награда – никогда больше не нужно будет оглядываться, опасаясь увидеть у себя за спиной молчаливую тень. Цена поражения – пересчитанные ребра и прежние долги. Обычно в комплекте с перспективой билета в один конец на дно реки Спрэнг. Шансы на победу – один на тысячу.

Вне зависимости от того, с каким унылым увальнем ей сегодня предстоит драться, Селина молилась, чтобы в этот раз Фальконе кивнул быстрее, чем в прошлый.

Тогда... Он вынудил ее затянуть тот особенно ожесточенный бой – толпа слишком разгорячилась, слишком охотно скупала дешевый алкоголь и все, что можно было достать под землей.

Она принесла домой больше синяков, чем обычно, а ее соперник, которого она избивала так, что он потерял сознание...

«Меня это не касается», – говорила она себе снова и снова. Даже когда ей являлись залитые кровью лица противников. Видения приходили к ней и ночью, и днем, но то, что с ними после боя делал Фальконе, ее не касалось. Когда она уходила, ее соперники еще дышали. Хотя бы так.

У нее по крайней мере хватало ума не протестовать в открытую, в отличие от других Пантер – слишком гордых, слишком глупых или слишком неопытных, чтобы усвоить, по каким правилам тут играют. Нет, ее тихий протест против Кармайна Фальконе был куда хитрее. Он хотел, чтобы ее противники были мертвы. У нее они просто теряли сознание, но Селина вырубала их так ловко, что никто из зрителей не возражал.

Опасную она затеяла игру, особенно если учесть, что жизнь ее сестры висит на волоске. Заиграешься, и у Фальконе появятся вопросы. Он задумается, кто ей дороже всех, станет метить, куда ударить побольнее. Но она никогда до такого не доводила. Никогда не ставила под угрозу безопасность Мэгги. Пусть даже эти бои были для нее всем. Каждый из них.

Селина вступила в ряды Пантер три года назад, и уже через шесть месяцев доказала, на что способна, в схватке с другой бандой девочек. Она была так хороша, что Мика, ее Альфа, познакомила ее с Фальконе. Селина не посмела пропустить эту встречу.

Девочки в банде подчинялись нехитрой иерархии: всем заправляли Альфы, они же всех защищали, наказывали и награждали. Слово Альфы – закон. За тем, как эти законы соблюдаются, следили Двойки и Тройки. Последующие ступени иерархии в стае становились более запутанными и разветвленными. Если дерешься, можешь подняться вверх или, наоборот, упасть, в зависимости от того, как прошла схватка. Даже Альфу можно было вызвать на поединок, если только хватит глупости или наглости.

Но Селина не думала о повышении в звании, когда Мика пригласила Фальконе посмотреть на ее драку с Двойкой из Волчьей Стаи. Ее соперница тогда так и осталась в той подворотне среди ручейков крови, бегущих рядом по бетону.

Тогда на бледной коже ее левого плеча были набиты всего четыре пятна пантеры – по одному за каждый выигранный бой.

Селина поправила лямку белой майки. В семнадцать лет на двух ее руках красовались уже двадцать семь пятен.

Непобежденная.

Так на том конце коридора ее объявлял ведущий. До Селины долетали только обрывки слов: «Непобежденная чемпионка, злейшая из Пантер...»

Селина положила руку на единственное оружие, которое ей позволялось пронести на ринг: кнут.

Другие Пантеры предпочитали фирменный макияж или одежду, чтобы выделяться на ринге. Селина на такое тратиться не могла – блеск для губ стоил столько же, сколько небольшой обед. Но Мика не впечатлилась, когда Селина пришла на свой первый серьезный бой в старом гимнастическом купальнике и леггинсах.

Ты что, на аэробику собралась? – спросила тогда Альфа. – *Давай тебе хоть коготочки намотим.*

На ринг разрешалось проносить любое легкое оружие, кроме огнестрельного и ножей. Но в ту ночь под рукой ничего не оказалось. Только кнут, зарытый в куче реквизита, оставшегося с тех времен, когда тут выступал какой-то необычный цирк.

У тебя есть десять минут, чтобы понять, как с ним обращаться, – бросила Мика перед тем, как уйти.

Едва Селина успела разобраться, что с ним делать, как ее вытолкали на ринг. Тогда кнут больше мешал, чем помогал, но толпа его сразу полюбила. В глубине души она тоже полюбила этот щелчок, раскалывающий мир надвое.

И она тренировалась, пока он не стал продолжением ее руки, пока он не открыл преимущества, которые раньше были ей недоступны из-за хрупкого телосложения. Театральный эффект, который кнут обеспечивал на ринге, тоже не вредил.

По металлической двери постучали – знак, что ей пора.

Селина убедилась, что все в порядке – кнут на бедре, черные штаны из спандекса и зеленые кроссовки, которые подходили к цвету ее глаз, хоть никто этого никогда не замечал. Сжала пальцы в обмотке в кулак. Все в норме.

Если это можно назвать нормой.

Селина встала. Мышцы расслаблены, а тело послушно гнулось, спасибо привычной гимнастической разминке, которую она теперь делала, чтобы размяться перед боем. Помимо физической силы, кнута и чистой акробатики, к которой она прибегала, чтобы сбить с ног более тяжелых соперников, подготовить тело к бою означало выиграть полбитвы.

Ржавая дверь заскрежетала, когда Селина ее открыла. Дальше по коридору, склонившись над новенькой, стояла Мика. Мигающие лампы дневного света обесцвечивали золотую кожу девушки, лишая ее привычного блеска.

Мика обернулась, взмахнув черной косой, и взглянула на Селину через узкое плечо, оценивая ее. Новенькая стояла перед ней, шмыгала носом и осторожно вытирала кровь, струившуюся из опухшего носа. У этой кошечки один глаз покраснел и начал заплывать, а второй наполнился слезами.

Ясно теперь, почему толпа завелась. Если Пантеру так уделали, там, наверное, была настоящая бойня. Настолько жесткая, что Мика придерживала бледную девочку за ослабевшую руку, чтобы та не шаталась.

В конце темного коридора, который вел к рингу, маячил один из вышибал Фальконе. Он поманил ее, и Селина захлопнула за собой дверь. Ничего ценного за ней не осталось. Да у нее и не было ничего, что стоило бы воровать.

– Поаккуратнее там, – сказала Мика, когда Селина прошла мимо нее. Голос у азиатки был низкий и мягкий.

– У него сегодня такой набор – хуже, чем обычно.

Кошечка зашипела, одергивая голову, когда Мика приложила к ее разбитой губе спиртовую салфетку. Мика на нее рявкнула, и та предусмотрительно замерла, незаметно вздрагивая, пока Альфа обрабатывала порез.

– Он лучшего тебе оставил. Извини, – добавила Мика, не оборачиваясь.

– Он всегда так делает, – равнодушно ответила Селина, хотя у нее засосало под ложечкой, – я справлюсь.

У нее просто не было выбора. Если она проиграет, некому будет позаботиться о Мэгги. Отказаться от боя? Не вариант.

Селина знала Мику три года, и ни разу за это время Альфа не предложила разорвать их договоренность с Кармайном Фальконе. Об этом не могло быть и речи: пока Фальконе за Пантер, другие банды Ист-Энда дважды подумают, прежде чем сунутся на их территорию. Так что Пантеры дрались и забавляли толпу.

Фальконе превратил бои в еженедельное представление – настоящий древнеримский цирк, – чтобы сброд готэмского подполья любил его и боялся. Ему помогало то, что довольно многие из видных бандитов оказались за решеткой – спасибо некоторым рыцарям без страха и упрека, рыскающим по городу в плащах.

Мика отпустила кошечку в раздевалку и мотнула головой в сторону ринга, приказывая Селине выходить.

Но Селина медлила: осматривала коридор, выходы. Даже здесь, в сердце царства Фальконе, можно было запросто расстаться с жизнью, в открытую показавшись без защиты. Альфе, у которой было так же много врагов, как у Мики, это было проще простого.

На том конце коридора замаячили трое. Селина немного расслабилась, увидев латиноамериканку. Это была Ани, Двойка Мики, а по бокам от нее еще двое Пантер, ниже по статусу. Хорошо. Они будут сторожить выход, а Альфа позаботится о них.

Вой толпы прокатился по бетонному полу, заставив дребезжать хлипкую керамическую плитку на стенах и вибрируя в легких и мышцах Селины, пока та приближалась к продавленной металлической двери, ведущей на ринг. Вышибала жестом приказал ей, черт возьми, потопрапливаться, но она шла не спеша. Подкрадывалась.

Пантеры, бои... Это ее работа. И за нее неплохо платили. Мать их бросила, сестра болеет – легально так быстро и так много ей не заработать.

Три года назад Пантеры ничего у нее не спросили. Не задумались, намеренно ли она выбрала тот бой с Бритвой во дворе многоэтажки, а потом еще один и еще один, пока Мика не разнюхала, кто же в здании С такой заводной.

Она тогда сказала, что в Ист-Энде за такое дерьмо убивают довольно быстро и что Пантерам такой боец пригодится. Альфа не спросила, кто учил ее драться. Или как держать удар.

Вышибала открыл дверь, и ничем не сдерживаемый рев вырвался в коридор, как стая бешеных волков. Селина Кайл глубоко вздохнула, слегка запрокинула голову назад и вступила на территорию света, звука и гнева.

Да прольется кровь.

* * *

Ее руки так опухли, что с ключами она управлялась с большим трудом. Они звенели на весь коридор многоквартирного дома, как чертов школьный звонок.

Она по кусочкам собрала остатки сил, чтобы сосредоточиться, унять дрожь в руках и вставить ключ в верхний замок. На три нижних замка Селина старалась не смотреть – каждый из них был неприступен, как горная вершина.

Слишком долго. Фальконе слишком долго оттягивал концовку боя.

Мика не соврала о ее сопернике. Бывший боец – в плохой форме, но тяжелый. В два раза тяжелее ее. Отчаянно хотел вернуть долг. Бил он больно. Мягко говоря.

Но она выиграла. Взяла не грубой силой, а умом. Когда на ней почти живого места не осталось, когда он выхватил у нее из руки кнут, когда она на какое-то время ослепла на один глаз из-за струившейся крови... Она применила против него простейшие законы физики. Ее учитель естествознания мог бы ею гордиться.

Если она завтра пойдет в школу. Или на следующей неделе.

Верхний замок с щелчком открылся.

Против больших, тяжелых соперников на чистой физической силе далеко не уедешь. Нет, она брала другим: скоростью, проворством, гибкостью – за это спасибо гимнастике. И кнутом. Всем, что может вывести противника из равновесия – обуздать скорость стокилограммового мужика, который мчится на тебя, и обратить ее против него самого. Парой приемов можно превратить рьяную атаку нападающего в плачевный для соперника результат. В его падение на спину. Или удар лицом о столб. Или обвитие кнута вокруг ноги противника, способное выдернуть его из равновесия, чтобы параллельно нанести удар локтем ему в живот.

Всегда целься в мягкие части тела. Это она освоила еще до того, как впервые вышла на ринг.

В левом глазу до сих пор все расплывалось. Селина осмотрела серо-голубой подъезд: скользнула взглядом по граффити, по луже жидкости, которая мало походила на воду, – все безопасно.

Темные уголки подъезда... Именно поэтому у них на двери четыре замка. Мэгги не должна была открывать дверь *ни при каких* обстоятельствах. Особенно их матери. И тем, кто может быть с ней.

После последнего такого посещения полгода назад на двери осталась вмятина.

Большая, круглая вмятина рядом с глазком – ровно там, куда приземлился кулак того потного мужика, который стоял рядом с их вмазанной матерью, когда Селина отказалась открывать им дверь. Они ушли только после того, как сосед пригрозил вызвать копов.

В этом доме жили милые люди. Добрые. Но если вызвать копов, можно сделать только хуже. Копы станут задавать вопросы. Вопросы об их «семейных обстоятельствах».

Селина повернулась спиной к двери и удостоверилась, что в темном углу никто не прячется. Она сейчас в такой форме, что... Ей удалось открыть второй замок. И третий.

Когда она приступила к четвертому, в подъезде заворчал лифт. Измятые двери наконец открылись, выпуская миссис Салливан: в одной руке – сумки с продуктами, из пальцев другой торчат ключи, как металлические когти.

Их глаза встретились, когда старая американка проходила мимо по коридору. Селина кивнула ей, надеясь, что капюшон толстовки, надетой под куртку, прикрывает ее лицо.

По крайней мере кнут был надежно спрятан за ее спиной. Миссис Салливан нахмурилась, цокнула языком и заторопилась к своей двери с пятью замками.

Селина, осознавая, что соседка следит за каждым ее движением, не торопилась и спокойно открывала четвертый замок. Она задумалась, стоит ли объяснять миссис Салливан, что она медлит не потому, что хочет ограбить ее. Задумалась и решила промолчать, увидев, какой ухмылкой ее одарила старуха.

Отбросы – это слово плясало в глазах у миссис Салливан перед тем, как девушка захлопнула дверь к себе в квартиру и замки щелкнули, закрывшись. Селине было слишком больно, чтобы беситься из-за такого. Она слышала и похуже.

Открыв последний замок, она вошла в квартиру, тут же захлопнула дверь и начала запираť ее. Один замок, второй, третий... и цепочка на самом верху.

В квартире царил полумрак, источником света был только желтый уличный фонарь, стоящий во дворе, куда выходили окна их кухни-гостиной. Селина была уверена, что в Готэме найдутся люди, у которых ванная комната в квартире больше, чем все их жилье, но, по крайней мере, она, как могла, поддерживала тут чистоту.

В воздухе висел аромат томатного соуса и сладковатый запах хлеба. Заглянув в холодильник, Селина удостоверилась, что Мэгги действительно съела еду, которую сестра купила ей после школы. Почти всю.

Хорошо.

Захлопнув холодильник, Селина открыла морозилку и выудила оттуда пачку замороженного горошка, спрятанную за стопкой готовых обедов – их осталось всего три. Их еда до конца недели, когда закончится итальянская.

Прижав к лицу горошек и наслаждаясь тем, как кожу покалывает от холода, Селина спрятала кнут под раковину, скинула кроссовки и побрела через коридор, покрытый грязным зеленым ковром, к ванной и единственной спальне. В крошечной ванной было пусто и темно, но слева от нее через приоткрытую дверь струился теплый свет.

Пачки наличных в ее заднем кармане все равно не хватит. Не хватит, чтобы заплатить и за квартиру, и за еду, и за анализы Мэгги, и за все, что не покрывает ее страховка.

С тяжелым сердцем она толкнула плечом дверь, просунув голову в спальню. Это была единственная цветная комната в квартире: желтые, как лютики, стены покрыты Бродвейскими афишами, которые Селине посчастливилось достать, когда еще одну школу в Ист-Энде закрыли и театральный кружок оказался на улице.

Сейчас афиши стергли девочку, которая лежала на кровати, свернувшись под детским мультяшным стеганым одеялом, которое было в два раза меньше и на десять лет старше, чем следовало бы. Таким же было все в этой комнате, включая игрушечного светлячка – ночник, который Мэгги не давала выключать.

Селина ее не осуждала. К тринадцати годам Мэгги хлебнула достаточно дерьма, чтобы заслужить право поступать так, как хочет. Ее хриплое, тяжелое дыхание, наполнявшее комнату, это подтверждало. Селина бесшумно подняла один из ингаляторов, лежавших рядом с кроватью, и проверила, осталось ли там еще лекарство. Больше чем достаточно, если ночью Мэгги одолеет приступ. Но это совсем не значит, что Селина не кинется к сестре в спальню со своего дивана в гостиной, едва услышав надрывный сухой кашель Мэгги.

Включив в розетку увлажнитель воздуха, Селина доковыляла до гостиной и рухнула на потрескавшийся стул из кожзама, стоявший у маленького стола в центре кухни.

Все болело. Все горело и пульсировало, словно умоляя ее прилечь. Селина посмотрела на часы. Два ночи. Им вставать в школу через... пять часов. Ну, Мэгги вставать школу. Селина никак не могла там показаться с таким лицом.

Она выудила наличные из кармана и положила купюры на пластиковый стол. Притянув к себе небольшую коробку, стоявшую в центре, Селина пересчитала добычу той рукой, которая болела чуточку меньше. Когда она соберется за покупками, придется пораскинуть мозгами: продуктовых карточек¹ на все не хватит. И их уж точно не хватит на жизнь двум сестрам, у одной из которых муковисцидоз. Селина читала про подход «еда как лекарство» с компьютера в библиотеке в ожидании, когда у Мэгги закончатся занятия в школьной театральной студии. Лечения нет, но правильное питание может помочь. Попробовать стоит все, что угодно. Если это подарит им время. Если это подарит Мэгги хоть каплю облегчения.

Муковисцидоз – Селина не помнила, чтобы было время, когда она не знала это слово. Что оно означает: неизлечимое генетическое заболевание, которое вызывает скопление слизи в различных органах, преимущественно в легких. Слизь забивает и блокирует дыхательные пути, и там копяются бактерии. В лучшем случае они вызывают инфекционные заболевания, в худшем – поражение легких и дыхательную недостаточность.

А потом слизь скапливается в поджелудочной железе, препятствуя проходу ферментов, которые помогают расщеплять пищу и всасывать питательные вещества.

Селина только один раз загуглила: *продолжительность жизни при муковисцидозе.*

Она тут же закрыла браузер и потом полчаса блевала в библиотечном туалете.

Селина пересчитала наличные и сглотнула. Здоровое питание, в котором нуждалась Мэгги, обходилось недешево. Готовые обеды из микроволновки – это еда для чрезвычайных ситуаций. Мусор. Свежий ужин из итальянского ресторана, который Мэгги съела сегодня, был большой редкостью.

Скорее, извинением за то, что Селине пришлось оставить сестру, чтобы выйти на ринг.

– Твое лицо.

Хриплый голос, произнесший эти слова, оборвал ее мысли.

– Ты сейчас должна спать.

Каштановые волосы Мэгги были растрепаны, на слишком худом и бледном лице остался отпечаток подушки. И только ее зеленые глаза – их общая с Селиной черта, несмотря на разных отцов – были ясными. Встревоженными.

– Не забудь приложить лед к рукам. Иначе завтра ничего не сможешь делать.

Селина растянула губы в полуулыбке, от чего стало только больнее, и послушно отняла замороженный горошек от пульсирующего лица, переместив его на разбитые, отекающие костяшки пальцев. По крайней мере, через час после боя отек начал спадать.

Мэгги медленно прошла через комнату. Селина старалась не морщиться, слыша, как тяжело сестра дышит и тихонько откашливается. Последняя легочная инфекция не прошла бесследно, и с розовых щек Мэгги исчез привычный румянец.

– Тебе в больницу надо, – выдохнула Мэгги. – Или давай я все обработаю.

Селина пропустила оба предложения мимо ушей и спросила:

– Как ты себя чувствуешь?

Мэгги придвинула к себе стопку наличных – ее глаза округлились, – и пересчитала мятые двадцатки.

– Нормально.

– Ты на сегодня домашку сделала?

Насмешливый, раздраженный взгляд.

– Да. И на завтра тоже.

– Умница.

¹ В США существует система помощи людям, попавшим в трудную ситуацию (бездомным, беженцам, людям с тяжелыми нарушениями здоровья и т. д.). Один из способов оказания помощи – ежемесячный перевод баллов на пластиковую карту, которой можно расплачиваться в определенных магазинах, при условии, что баллы тратятся на еду и безалкогольные напитки (*здесь и далее прим. пер.*).

Мэгги оглядела ее: зеленые глаза слишком настороженные, слишком знающие.

– У нас врач завтра после школы.

– Ну и что?

Мэгги досчитала деньги и аккуратно положила пачку купюр в маленькую коробку вместе с продуктовой карточкой.

– Мама не придет.

И отец Мэгги тоже – кем бы он ни был.

Отец Селины... Она знала только то, что ее мать сболтнула под наркотой в одном из бессвязных монологов. Ее с ним познакомил друг на вечеринке. Больше ничего. Даже имени не назвала.

Селина переместила пакет с замороженным горошком с правой руки на левую.

– Она нет. А я приду.

Мэгги поскребла невидимое пятно на столе.

– Скоро начнутся прослушивания на весеннюю постановку.

– Хочешь попробовать?

Мэгги едва заметно пожала плечами.

– Хочу у доктора спросить, можно ли.

Какая у нее ответственная сестра.

– Какой в этом году выбрали мюзикл?

– «Карусель».

– Мы его смотрели?

Мэгги помотала головой: кудри качнулись, засияла улыбка. Селина улыбнулась в ответ.

– Но, я полагаю, завтра вечером посмотрим?

Вечер пятницы – киновечер. Все благодаря DVD-плееру, который они с Пантерами стащили с прицепа грузовика, и обширной библиотечной коллекции.

Мэгги кивнула. Бродвейские мюзиклы – не то чтобы очень секретная мечта Мэгги и ее непреходящая страсть. Селина не понимала, откуда она взялась: у них в жизни не было денег на билеты в театр, но школа Мэгги кучу раз ездила на экскурсии смотреть постановки в кино. Наверное, в одну из таких поездок она и запала ей в душу, эта неугасимая любовь, которая не потускнела даже тогда, когда муковисцидоз так отделал ее легкие, что ей стало очень трудно петь, играть на сцене и танцевать.

Возможно, это могла изменить трансплантация легких, но Мэгги была в самом конце длинного-длинного списка. И хотя каждый месяц отнимал у Мэгги здоровье, она оставалась под тем же номером. А препараты, которые доктора нахваливали как прорыв в медицине, способный подарить людям с МВ десятки лет жизни... В случае Мэгги они не работали.

Но Селина не планировала что-то рассказывать своей сестре. Это бы заставило Мэгги думать, что у ее возможностей есть предел, а Селина этого не хотела.

Когда она услышала, что Мэгги хочет просто записаться на прослушивание, ей стало невыносимо трудно дышать.

– Тебе спать пора, – отрезала Селина, откладывая горошек в сторону.

– И тебе, – едко заметила Мэгги.

Селина тихо хохотнула, на что ее тело тут же отозвалось приступом адской боли.

– Пойдем вместе.

Встав, она поморщилась и швырнула горошек назад в морозилку.

Не успела она повернуться, как ее талию обвили хрупкие руки. Будто Мэгги знала, что сейчас у нее на ребрах расцветали синяки.

– Я тебя люблю, Селина, – сказала она тихо. Селина поцеловала сестру в макушку и погладила ее по спине, тут же едва не застонав от боли в пальцах.

«Стоит того». – Она терпела боль, обнимая сестру под ровное гудение холодильника.

Стоит того.

* * *

– Я не понимаю, почему тогда в прошлый раз страховка покрыла почти все расходы. Она делала над собой усилие, чтобы не повышать голос и не сжимать ладони, лежавшие на больничной стойке отдела платных услуг, в кулаки.

Пожилая женщина в бледно-розовой униформе нехотя подняла глаза от монитора.

– Я вам только озвучила информацию, которую мне выдает компьютер.

Она провела длинным фиолетовым ногтем по экрану:

– И он утверждает, что в этот раз вы должны пятьсот долларов.

Селина до боли сжала челюсти, обернувшись через плечо, чтобы посмотреть на Мэгги, сидевшую на пластиковом стуле у белой стены. Она безуспешно делала вид, что читает книгу, даже не пытаясь водить глазами по странице.

Селина понизила голос, хоть и знала, что Мэгги просто наклонится вперед, чтобы подслушивать.

– В прошлом месяце мы доплатили всего сотню.

Фиолетовый ноготь постучал по экрану:

– Доктор Таскер сегодня взял анализы. В вашу страховку они не входят.

– Мне об этом ничего не сказали.

А даже если бы и сказали, Мэгги все равно нужно было пройти это обследование. Хотя полученные результаты... Селина отогнала эти мысли, как и то, что доктор сказал ей несколько минут назад.

Женщина наконец-то подняла взгляд от монитора и смогла оглядеть Селину. Отек у нее на лице спал, синяки она профессионально замаскировала косметикой и ловко уложила каскад темных волос.

– Вы родитель или законный представитель?

Селина просто ответила:

– Мы не можем заплатить.

– Тогда вам нужно разбираться со своей страховой компанией.

Да, но Мэгги нужно будет продолжать сдавать такие же анализы. В следующий раз – через две недели. В третий – через месяц. Селина все подсчитала и сглотнула комок в горле.

– И клиника ничего не может сделать?

Женщина начала печатать, стуча по клавишам.

– Этим должна заниматься ваша страховая компания.

– А наша страховая компания скажет, что этим должны заниматься вы.

Стук клавиш прекратился.

– Где ваша мать? – Женщина посмотрела по сторонам, будто ее мать могла стоять чуть поодаль.

Селину подмывало посоветовать ей пойти прогуляться по переулкам в Ист-Энде, потому что их мать, хоть мертвая, хоть живая, могла быть только там. Вместо этого она взяла со стойки медицинский полис и равнодушно ответила:

– Она на работе.

Женщина не слишком ей поверила, но смягчилась:

– Мы пришлем счет вам на дом.

Селина, решив не утруждать себя ответом, повернулась, подхватила тяжелый рюкзак Мэгги и, забросив его на плечо, махнула сестре, чтобы та шла за ней к лифтам.

– Нам неоткуда взять пятьсот долларов, – пробормотала Мэгги, когда Селина с излишней силой вдавила кнопку вызова лифта.

На еду, аренду и анализы денег, которые Селина получила за последний бой, не хватит. – Не бери в голову, – отрезала Селина, наблюдая, как в окошке по очереди загораются номера этажей.

Мэгги скрестила руки на животе. Хуже некуда. Новости были хуже некуда.

У Селины темнело в глазах. Эти пятьсот долларов, эти тупые анализы, этот доктор с пресным лицом: *Лечения от МВ нет, но давайте прежде попробуем еще пару вариантов.*

Селина чуть было не спросила: *Прежде чем что?*

Мэгги так и шла, обхватив себя руками. Кончиками пальцев – толстыми и округлыми, болезнь и тут постаралась – она так сильно впиалась в собственные предплечья, что Селина поморщилась.

Она высвободила одну ладошку Мэгги и взяла в свою, переплетая пальцы.

Крепко взявшись за руки, сестры не отпускали друг друга всю дорогу до дома.

* * *

Соседи прямо вцепились друг другу в глотки.

Селина включила кино, но не прошло и пяти минут, как у них за спиной через стену стали доноситься крики и вопли. Свернувшись на продавленном и засаленном диване, который по совместительству служил Селине кроватью, она расположила ноги Мэгги у себя на коленях, вполуха слушая пьяную ссору, которая разворачивалась по соседству, и мюзикл из старенького телевизора перед ними.

«Карусель». Музыка ничего, хоть все были какие-то слишком слащавые и нравственные, а парень – так просто авторитарный ушлепок, да еще и неудачник. Но Мэгги покачивала головой и кивала в такт музыке.

В комнате пахло макаронами с дешевым сыром. Селина предложила Мэгги купить настоящий ужин в каком-нибудь ресторанчике, но та захотела сразу пойти домой – очень устала, объяснила она сестре. С тех пор как они вышли из больницы, с ее лица не сходило угрюмое выражение. Воздух и так был довольно сильно наэлектризован, и Селина не стала пытаться ее переубедить.

Не то чтобы у них были деньги. Но после совсем не безоблачных прогнозов доктора тридцать баксов большой роли не играли.

Селина пожирала глазами свой телефон-раскладушку, лежавший на журнальном столике, куда она закинула ноги. Мика и остальные Пантеры знали, что ей не стоит звонить по пятницам. Знали, что именно пятничный вечер был единственным временем, когда на Селину было бесполезно рассчитывать, вне зависимости от того, нужно ли было работать или разбираться с угрозами.

Но если Мика все-таки позвонит и скажет, что Фальконе устраивает новый бой, что за него хорошо заплатят, она согласится. Она согласится на три боя подряд.

Но – ничего. Она должна быть умной. Если она получит серьезную травму, соцработники из больницы явятся к ним домой и станут разносить. Станут спрашивать, где их мать, и скорее всего определят, что именно набито у нее на руках. Татуировки она круглый год прятала под одеждой с длинными рукавами. Даже наедине с Мэгги она всегда переодевалась в ванной и следила за тем, чтобы случайно не закатать рукава слишком высоко во время мытья рук.

Но на ринге... Она выставляла их напоказ, чтобы соперник все видел. *Видел, сколько их пало* – рисунки буквально рычали каждому, кто на них смотрел. *Ты следующий.*

Стену за их спинами сотряс удар, и две рамки с вставленными в них фотографиями задребезжали. На той, что побольше – краденая рамка, дешевая печать школьного библиотечного принтера, – они с Мэгги сидят на скамейке в парке. Это было два года назад, ясным осенним днем, деревья вокруг разноцветные, как драгоценные камни. Мэгги попросила какую-то

бизнесумен сфотографировать их на ее телефон. Картинка была довольно плохого качества, но лицо Мэгги буквально светилось.

На второй, снятой пять лет назад, Селина зависла в воздухе над бревном в безупречном обратном сальто. Очередные соревнования по гимнастике, на которых она выступала. И выиграла. Она прозанималась в ИМКА² три первых года, и потом тренер убеждал ее продолжать занятия, говорил, что у нее явный талант. Но болезнь Мэгги прогрессировала, их мать только что освободили под залог, на тренировки и соревнования уходило много времени и денег... Не вариант. Селина перестала ходить на гимнастику, перестала отвечать на звонки тренера. Хотя на ринге она до сих пор пользовалась тем, чему научилась тогда.

Толпа это обожала. Наверное, даже больше, чем кнут. Больше всего они любили, когда она делала обратный кувырок из стойки на руках, переходящий в обратное сальто, и приземлялась прямо на плечи сопернику. Гравитация и захват горла противника ногами делали свое дело, и тот быстро оказывался на коленях.

Тут от соседей донеслась череда проклятий, и Мэгги потянулась, чтобы взять со столика пульт и прибавить звук.

– Это центральный номер, – сказала она, не отрываясь от экрана. – Самая известная песня в мюзикле.

Авторитарный ушлепок и правда пустился в рассуждения, которым, казалось, не будет конца.

– Он только что узнал, что его жена ждет ребенка, и у него совсем крыша съехала.

– Я смотрю вообще-то, – ответила Селина, подняв брови.

– Ты слушала соседей, – улыбнулась Мэгги, помотав головой.

Виновата. Селина примиряюще наморщила нос и снова сосредоточилась на мюзикле.

Мужик на экране размышлял, воображая и предвкушая, какой у него будет сын: чистый маскулинный бред.

– Вы правда собираетесь это в школе ставить?

Мэгги шикнула на нее, махнув рукой. Песня изменилась: теперь этот урод разглагольствовал, каково будет иметь дочь. Снова маскулинный бред и мизогинная чушь.

Селина переключила внимание на Мэгги, когда началась новая музыкальная тема. Красивые глаза младшей широко распахнулись и заблестели.

– Вот эта часть, – прошептала она.

Зазвучала музыка, и губы ее сестры зашевелились, бесшумно вторя каждому слову.

Бесшумно потому, что эти слабые легкие не могли вдохнуть достаточно воздуха, чтобы извлечь звук, и последняя инфекция навсегда лишила Мэгги возможности держать ноту.

Мэгги неслышно пела, не пропуская ни слова.

Селина посмотрела на экран: океан волнуется, а мужчина выводит каждую ноту, выпекает все свои надежды, в которых он сможет кормить и одевать своего ребенка, обеспечивать ему крышу над головой. Сумеет достать деньги любым способом, не важно, трудом или воровством. Иначе ему остается только умереть, рискуя.

На долю секунды ей показалось, что соседи тоже притихли, заслушавшись. Как и весь дом, как и весь Ист-Энд.

Когда Селина снова взглянула на Мэгги, та уже в молчании смотрела на сестру глазами, полными слез.

В ее взгляде, скользнувшем по синякам Селины, было столько понимания...

Селина заставила себя оставаться на месте еще минуту. Две. Пять. Десять.

Мэгги снова принялась смотреть кино. Соседи продолжили кричать и ругаться.

² Юношеская христианская организация, которая занимается, в том числе, и организацией спортивных секций для детей и подростков.

Тогда как ни в чем не бывало Селина встала, аккуратно переложив со своих колен обернутые в плед ноги Мэгги на диван, и направилась в ванную. Она надеялась, что сестра не видела, как она украдкой взяла со столика свой телефон.

Селина заперлась в ванной и открыла кран на полную мощность.

По крайней мере, она успела опустить крышку унитаза, прежде чем рухнуть на него, закрыв лицо двумя руками и тяжело дыша сквозь пальцы. Комната надвигалась на нее, и Селина не могла вдохнуть, вдохнуть достаточно быстро, достаточно глубоко.

Она положила руку на грудь, будто можно было приказать легким раскрыться – ее легким и легким Мэгги, больным, обреченным.

Донорские легкие ждут многие пациенты, у которых нет другой надежды, – сказал ей сегодня доктор. – *Я бы на это не рассчитывал.*

По крайней мере, до тех пор, пока у тебя не будет достаточно денег, чтобы купить себе место повыше в списке. Или прикупить парочку на черном рынке.

Силена жадно плотала воздух, и руки у нее тряслись так, что она положила их на крепко стиснутые колени. Они боролись за двадцать лет. В лучшем случае. В худшем...

Скорость, с которой прогрессирует болезнь, и устойчивость Мэгги к препаратам вызывают опасения, – продолжал доктор, обращаясь скорее к стайке интернов, нежели к ним.

Мэгги даже не спросила, можно ли ей участвовать в мюзикле. Ее сестра и так все знала. Знала, что это могло придать ей жизни и обрадовать, подарить ей крохотную крупицу надежды. Не важно, сколько боев Селина для нее выиграет. Сколько магазинов разграбит вместе с Пантерами. Кровью, синяками, сломанными ребрами нельзя было заплатить за новые легкие для Мэгги, за лекарство от болезни или за возможность выйти на школьную сцену и спеть от всего сердца.

Рыдания рвались наружу, сотрясая каждый вдох.

Селина снова закрыла лицо руками, будто могла спрятаться – и скрыть слезы, поднимавшиеся в ней, как прилив, который она гнала назад, назад, назад.

Трясущимися руками она схватила телефон с узкой раковины, пальцы так дрожали, что она едва смогла написать Мике: «Мне нужен новый бой. Быстро».

Мика ответила через несколько секунд: «Если тебе нужны деньги, я достану».

Соблазнительно, но слишком сложно. Она не сможет расплатиться с Микой. И хотя она доверяла своей Альфе, в Ист-Энде всем нужны деньги, и Мика скорее всего не станет жалеть того, кто ей должен.

«Бои вполне ок. – У нее заколотилось сердце, и она добавила: – Но спасибо».

Мика ответила мгновенно: «Мне стоит начать волноваться?»

Не то чтобы ей было не все равно, но если это ставило Пантер под угрозу, ей нужно было знать.

«Проблемы в личной жизни».

Она не была уверена, знают ли Пантеры, что у нее больная сестра. Она им никогда не говорила, а Мика не тот человек, который стал бы спрашивать.

«Ты норм восстановилась после прошлого раза, чтобы выйти?»

Нет. «Да».

Селина выдохнула, слезы попали ей в рот. Выключив кран, она прислушалась. Мюзикл продолжался – как и соседская ссора.

Она могла бы украсть деньги. Они с Пантерами раньше уже так делали. Ей даже нравились задачи, которые приходилось решать: как пробраться внутрь, как проскользнуть мимо охранников, не попасть на сигнализацию, не оставить улики... Но в одиночку? Она так никогда не делала. И не сделает – не станет рисковать свободой, пока бои оставались еще относительно безопасным вариантом.

Мика только написала: «Я спрошу у Фальконе».

Селина захлопнула телефон, нажала на слив. Слава богу, руки уже перестали трястись, когда она вошла в гостиную, где ее сестра все еще лежала, свернувшись, на диване.

Мэгги взяла пульт и поставила кино на паузу. Окинув Селину взглядом, от которого ничто не укрылось, даже зажатый в руке мобильник, Мэгги тихонько спросила:

– А ты не можешь просто попросить денег?

Селине было все равно, как Мэгги обо всем догадалась. Она засунула телефон в задний карман штанов.

– Нет.

Фальконе часто посылал Пантер к своим должникам: напомнить о долге или привести приговор в исполнение, когда последнее предупреждение было проигнорировано. Селина была там: грязно, мерзко, ей придется стоять над ее мертвым телом, а над ней будет висеть долг.

– Но...

– Нет.

Мэгги снова открыла рот, в ее глазах заплясал зеленый огонек, но тут в дверь постучали.

Они замерли. Ничего хорошего. Так поздно вечером.

Еще один удар в дверь.

– Откройте, полиция!

Глава 2

Дерьмо.

Селина лихорадочно перебирала все возможные способы выбраться из квартиры. Она посмотрела на окно на другой стороне комнаты. Сможет ли ее сестра достаточно быстро спуститься по пожарной лестнице, чтобы улизнуть?

Если понадобится, она понесет Мэгги на руках. Селина нахмурилась, вставая. Тело захлестнула протяжная боль.

Мэгги сбросила плед с ног, когда дверь снова сотряслась.

– Что будем делать? – выдохнула она.

Если это насчет Пантер...

– Нам нужна Мария Кайл, – крикнул полицейский.

Сестры вздохнули с облегчением. Слава богу. С этим они разберутся. Уже несколько раз так делали.

«Спрячься», – беззвучно сказала Мэгги. У копов точно появятся вопросы, если они увидят синяки старшей. Селина отрицательно покачала головой. Но Мэгги встала с дивана и в безмолвном приказе указала на спальню.

Еще один стук в дверь.

Селина доковыляла до двери и убедилась, что за ней и в самом деле стояли двое крепко сбитых полицейских из ГДГП.³ Один темноволосый, другой лысеющий, с усами.

Селина забралась в крошечную гардеробную в спальне. Надежное укрытие – ниша достаточно глубокая, чтобы спрятать ее. Или спрятать Мэгги. Селина как раз пробиралась между плотными рядами одежды, когда Мэгги открыла входную дверь, щелкнув замками.

Селина прислушалась и разобрала, как ее сестра тихо разговаривает с полицейскими, само сонное недоумение:

– Мама не пришла сегодня вечером домой.

Один из копов спросил:

– Можно нам войти?

– Мне посторонних нельзя впускать. Даже полицейских.

Пауза. Потом женский голос уточнил:

– А соцработников, Мэгги?

Сердце Селины остановилось.

Когда она проверяла, женщины снаружи не было – как и никакого намека на социальные службы.

– Что случилось? М-мамы дома нет.

– Мы знаем, – ответила женщина спокойно, но жестко. – Она в отделении полиции.

Шумя вешалками, Селина выбралась из гардеробной, и по ее телу разлилась боль, когда она перешагивала через аккуратно сложенную стопку одежды. Комната превратилась в минное поле, отделявшее ее от коридора.

Она, прихрамывая, прошла в гостиную, где перед открытой дверью стояла Мэгги, а напротив нее возвышались двое полицейских и светловолосая женщина в дешевом костюме. Все они разом перевели взгляды на Селину: стоило им заметить синяки, как у копов сузились глаза, а женщина скорчила неодобрительную гримасу.

– Чудесно. Рада, что ты тоже здесь.

Мэгги отступила назад, встав рядом с сестрой. Полицейские и соцработник протиснулись в квартиру, прикрыв за собой дверь.

³ ГДГП – городской департамент готэмской полиции.

Селина знала, что соседи, скорее всего, подслушивают, а соцработник тем временем продолжала:

– Мы сегодня вечером подобрали вашу маму. Она в плохом состоянии. – Взгляд скользнул по квартире. – Но вы, скорее всего, это знаете.

– Да, знаем.

– И ты, я смотрю, тоже.

– Со мной все ок. Просто с лестницы вчера упала.

– Нормально так приложилась, – сказал один из полицейских, скрестив на груди руки. У него на массивном поясе висели пистолет, полицейская дубинка и электрошоковое ружье.

– Залог за нее мы внести не сможем.

Соцработнику хватило наглости тихонько засмеяться.

– Мы сюда пришли не за этим.

Взгляд снова скользнул по ним с Мэгги.

– Мы пришли за вами.

– Мэгги ничего не сделала, – сказал Селина, закрывая сестру спиной.

– А ты? – спросил второй коп с мясистым лицом, подняв вверх брови. Селина проигнорировала его, встретившись взглядом с соцработником. В коробке, приклеенной под кухонной раковиной, был припрятан косарь. Если они хотят денег...

– У нас нет претензий ни к одной из вас, Селина Кайл, – сказала соцработник.

Воплощение бюрократа, живущей строго по правилам пчелки-труженицы.

– Но вы обе несовершеннолетние и живете здесь одни. – Взгляд снова скользнул по квартире – соцработник прекрасно знала, что они годами жили одни. – Нам нужно решить ваш вопрос с проживанием. Мы уже нашли для вас два чудесных места. Вам эти дома понравятся. Их отправят в детские дома.⁴ *Порознь*.

Комната, голоса, ее тело... Все будто отдалилось от нее.

– Наш дом здесь, – мягко сказала Мэгги. – Нам тут хорошо.

– Власти так не думают, – вмешался второй коп, с песочными усами на бледной коже. – Две маленькие девочки живут одни в таком доме?

Он прошел на кухню и стал шарить по шкафам.

Открываемые дверцы скрипели и хлопали, и на каждый звук сердце Селины откликалось бешеным стуком. Когда он открыл дверцу под раковиной и заглянул внутрь, у нее затряслись руки.

Раздался звук отклеивающегося скотча, и полицейский выпрямился, кашлянув. В руках у него была коробка с деньгами. Сняв крышку, он улыбнулся, обнаружив стопку наличных. Вынув пачку купюр, он помахал ею. Его напарник одобрительно свистнул.

– Подрабатывала? – спросил он у Селины.

Он так впился в нее глазами, что Селина поняла, о какой подработке он говорит.

– Нет, – только и ответила она.

Он точно знал, где искать коробку. Наверное, ожидал найти наркотики. Ей следовало бы подумать лучше и найти для денег более неочевидное место.

– У тебя уже есть записи в личном деле, – сказала соцработник.

– Это было три года назад, – на удивление спокойно ответила Селина.

– У тебя на счету два привода, – продолжила она. – Тебя ни один судья тут не оставит. – Она махнула в сторону их спальни. – Собирайтесь. Возьмите вещей на пару недель.

Мэгги покачала головой:

⁴ В США учреждения для детей, оставшихся без попечения родителей, организованы иначе, чем в России. Детский дом в США – это, как правило, приют для нескольких детей, которым управляет одна семья на субсидии, выделяемые государством.

– Я никуда не пойду.

Селина смотрела, как усатый коп улыбается ей, убирая деньги себе в карман. Внутри ее что-то оборвалось. Пульс выбивал каждый израненный сантиметр ее тела.

В их квартире двое продажных полицейских. И хладнокровный соцработник. Плохо. Опасно.

– Мэгги, – вполголоса сказала она сестре. – Иди собирайся.

Ее сестра не сдвинулась с места.

Селина повернулась к женщине, которая стояла, скрестив на груди тонкие руки.

– У моей сестры серьезные нарушения здоровья. Обшарпанный детский дом ей не подходит.

– Мы регулярно проверяем все учреждения нашей сети на соответствие стандартам чистоты и безопасности. В какой бы дом ни отправили твою сестру, жилье будет отвечать всем ее потребностям.

Чушь собачья. Ей девочки из Пантер рассказывали, что в таких домах, в лучшем случае, хорошо жилось только тараканам.

– Раз уж разговор зашел о нарушениях здоровья Мэгги, – женщина заговорила отрывисто, у нее явно заканчивалось терпение. – Вряд ли она в безопасности в одной квартире с сестрой, у которой есть проблемы с законом.

– Вы ничего не понимаете, – огрызнулась Мэгги.

Селина примиряюще на нее посмотрела:

– Пойди собери вещи.

Мэгги помотала головой, взмахнув кудрями:

– Я никуда не пойду.

– Сейчас почти час ночи, – попыталась убедить ее соцработник. – Давайте мы просто отвезем вас куда-нибудь, где вы будете в безопасности.

– Я в безопасности здесь, – сказала Мэгги срывающимся голосом.

Услышав это, услышав, что голос Мэгги дрожит от страха, Селина почувствовала, как у нее закипает кровь.

Успокойся. Сосредоточься. Селина попыталась еще раз:

– Если сейчас так поздно, почему нам нельзя здесь переночевать? А вы завтра за нами заедете.

– И обнаружим, что вы улизнули из города? – спросил темноволосый коп, который не трогал ее деньги. – Без вариантов. Собирайтесь. Немедленно.

Вариантов нет. Выбора нет. Способа что-то изменить нет.

Селина положила ладонь на слишком худую руку сестры. Лекарства. Она должна взять с собой все свои лекарства.

Ее прикосновение словно оборвало ремешок, который сдерживал Мэгги.

Она сорвалась с места.

Но понеслась не к спальне, а к выходу из квартиры.

На мгновение все вокруг замедлилось и исказилось.

Селина видела только, как ее сестра, такая маленькая и хрупкая, бежит мимо копов, а каштановые волосы развеваются у нее за спиной. Она видела только, как усатый коп с ее деньгами в кармане кинулся к Мэгги, а его огромная ладонь потянулась к ее нежной руке.

И когда эти пальцы сомкнулись вокруг ее руки и ее надрывный от боли вдох заполнил квартиру, заполнил весь мир...

Селина взорвалась.

Первым лег темноволосый коп. Сначала удар снизу кулаком в челюсть, чтобы голова задралась. Затем локтем в нос, чтобы окочнательно уложить противника. Он потерял сознание еще до того, как приземлился на ковер.

Соцработник закричала, но Селина уже занялась усатым, который несся на нее, все еще сжимая Мэгги своей мясистой рукой.

Селина влетела в него. Он тут же отпустил Мэгги, вытянув руки, чтобы схватить Селину и оттолкнуть ее. Вместе они врезались в стену. От удара потрескалась штукатурка.

«Маленькая...» – выплюнул он, умолкнув, когда Селина увернулась от его захвата, уклонилась от другого неуклюжего броска и ее кулак соединился с его лицом.

Ее тело заливалось от боли, раны раскрывались, синяки ныли.

– Беги, – только и смогла она сказать Мэгги.

Но ее сестра застыла, не двигаясь, широко раскрыв глаза. Ужас стер краску с ее лица.

Тонкие белые руки снова схватили Мэгги. Соцработник.

– Она никуда не пойдет.

Эти руки, эти руки и это холодное и злобное лицо...

Селина оттолкнула женщину. Сильно.

Настолько сильно, что она влетела в стол, раскидав стулья.

Мэгги закричала, и Селина обернулась в полуприседе, выставив вперед кулаки.

Слишком медленно. Усатый коп уже встал. У нее не осталось времени, чтобы увернуться, прежде чем ее тело прошел разряд боли. Прежде чем его мерзкое, залитое кровью лицо растянулось в улыбке и он вставил электрошоковое ружье ей прямо в шею.

Тело зашло в агонии – все накрылось...

И ничего.

* * *

Она очнулась из-за гудения лампы дневного света.

Язык лежит во рту, как сухая, плотная тяжесть, вместо головы – пульсирующее месиво, а тело...

Сидит в стуле. Приковано наручниками к металлическому столу перед ней.

Отделение полиции.

Селина тихо простонала, осмотревшись. Крохотная комната. Ни зеркал одностороннего видения. Ни динамиков, ни камер, ничего.

Она подергала наручники, чтобы проверить, застегнуты ли они. Застегнуты.

Мэгги...

Металлическая дверь с шипением открылась, и Селина взяла себя в руки.

Но к ней вошла не соцработник в дешевом костюме и не полицейский, который разглядывал Селину дольше, чем нужно. А высокая, стройная женщина, с волосами чернее ночи и медово-золотой кожей.

Селина повидала довольно бизнесменов, с которыми Фальконе любил корешиться, чтобы сразу определить, что белый брючный костюм был сшит по-настоящему хорошо. А опыт, полученный у Мики, ей подсказывал, что изящные золотые драгоценности на шее посетительницы были подлинными и очень дорогими. Хороший маникюр, шелковое полотно волос, уложенных модным каскадом, красная помада на полных губах – все это кричало о больших деньгах.

Это точно не социальный работник.

Женщина, не торопясь, прошла к столу и пустому стулу, ярко-красными ногтями постукивая по толстой папке, которую она держала в руках. Личное дело Селины Кайл.

Дела плохи.

– Где Мэгги?

Вместо слов – низкий хрип. Вода – ей нужна вода. И аспирин.

– Меня зовут Талия.

– Где. Моя. Мэгги?

У нее все силы уходили на то, чтобы держать голову прямо – там, куда ее ударили током, расцвел синяк, боль от которого расходилась по спине и шее.

– Тебя зовут Селина Кайл, и тебе семнадцать. А через три недели будет восемнадцать.

Щелчок языком – она опустила на металлический стул напротив Селины, открыла толстую папку и принялась листать страницы. Стол был слишком длинный, и Селина не видела, что именно она читает.

– В таком возрасте у тебя уже внушительный список достижений.

Шелест, щелчок, шипение.

– Подпольные бои, кража, вооруженное нападение...

В ней боролись гордость и стыд. Стыд перед Мэгги, которая может узнать голую правду о ее преступлениях... Селина понимала, что если ее сестра услышит об этом, она не сможет вынести ее взгляда. И гордость от осознания, что все это сделала она сама, что она выживала так, как могла, и дала своей сестре все, на что была способна.

Но Селине удалось включить спокойный и скупающий тон.

– Меня никогда не судили за кражи и нападения.

– Нет, но обвинения уже предъявлены. – Красный ноготь постучал по бумаге. – Через несколько дней тебе вынесут приговор, и недавняя драка с двумя полицейскими и госслужащим только отягощает дело.

Селина, нахмурившись, уставилась на женщину.

Из комнаты – из отделения – ей не улизнуть. А даже если она и выберется, еще ведь нужно найти Мэгги. Туда за ней копы и явятся в первую очередь. Талия напряженно улыбнулась, обнажив слишком белые зубы.

– Тебя полицейские украсили синяками?

Селина не ответила.

Талия снова пролиставала бумаги, пытаясь что-то найти.

– Или разбитые кулаки и синяки ты получила в подпольных боях для Кармайна Фальконе?

Молчание. Пантера не расколется. Селина молчала оба раза, когда ее приводили в отделение. И она не собиралась говорить в этот раз.

– Ты знаешь, что означают три недели до восемнадцатилетия в Готэме?

Талия наклонилась к ней, положив руки на стол. В ее речи слышался легкий акцент, раскатистое урчание.

– Лотерейные билеты можно покупать?

Снова призрачная улыбка.

– Это значит, что тебе очень повезет, если судья поступит с тобой, как с несовершеннолетней. Это твой третий привод. Ты в любом случае окажешься за решеткой. Вопрос только в том, будет ли это тюрьма для малышей или клуб для взрослых девочек.

– Где. Моя. Мэгги.

Вопрос был не просто криком, при котором закипала ее кровь. Он был отчаянной потребностью.

Талия откинулась назад на стуле и подвинула Селине папку с канцелярской скрепкой.

– Твоя сестра в ист-эндском приюте в Бауэри.

Господи. Если их дом был помойкой, то район Бауэри по праву считался настоящей свалкой. В этом районе были такие банды... Даже Фальконе с ними не связывался.

Селина положила руки на папку, которую придвинула Талия: на самом верху – фотография мрачной, тесной спальни. Новая спальня Мэгги.

Селина перевернула фото, скрючив пальцы.

– Бог знает, кто там всем заправляет, – размышляла вслух Талия, просматривая оставшуюся часть личного дела Селины.

– Ты меня специально доводишь, чтобы они могли мне в папку подшить «нападение на первоклассную суку»?

Эти слова с глухим рычанием вырвались у Селины раньше, чем она успела подумать. Зазвенел легкий, серебряный смех:

– Ты думаешь, у тебя получится? В наручниках?

В ответ раздался легкий щелчок.

Вращая освободившейся кистью, Селина бросила на металлический стол прямую скрепку. Ловкость рук: она перевернула то фото приюта Мэгги для отвода глаз, чтобы незаметно накрыть скрепку ладонью. Затем, с помощью скрепки, направленной под определенным углом, она разомкнула наручники. Еще несколько лет назад она специально купила себе наручники, чтобы практиковаться и выяснить, как работает запирающий механизм. Специально для таких случаев.

Талия снова улыbnулась во весь рот и удовлетворенно хмыкнула.

– Умница.

Она кивнула в сторону руки, на которой не было наручников.

– Думаю, тебе лучше надеть их назад. Ты сама знаешь, что полицейские с таким шутить не любят.

Она это знала. Знала, что если она откроет второй наручник, и разобьет этой женщине лицо, ей все равно не выбраться ни из этой комнаты, ни из отделения.

Селина защелкнула наручник вокруг запястья. Но удостоверилась, что он повис на кисти достаточно свободно, чтобы она снова могла освободиться, если появится необходимость.

Талия сидела, слегка наклонив голову, ее темные глаза следили за каждым движением Селины.

– Я пришла, чтобы предложить тебе сделку, Селина Кайл.

Селина ждала.

Талия закрыла ее личное дело.

– Я управляю специализированным интернатом для таких девушек, как ты. Физически развитых, безусловно. – Кивок в сторону наручников, синяков на ее лице. – Но прежде всего – умных.

Она положила руку на ее папку.

– Я просмотрела твои оценки, таблицу за таблицей. Твои баллы на экзаменах. Твои кошечки-подружки знают, что ты учишься лучше всех в классе, что у тебя высший балл по всем экзаменам на уровне штата?

– Не понимаю, о чем вы говорите.

Она позаботилась, чтобы Пантеры никогда об этом не узнали. Для них ее таланты ограничивались мастерским владением кнутом и гимнастическими приемами на ринге. Селина чуть подалась вперед:

– Высшим баллом на экзамене бой не выиграешь.

Еще один смешок, на этот раз низкий и чувственный:

– Знаешь, если бы частые прогулы не помешали тебе в этом году сдавать выпускные экзамены, то тебе бы даже предложили на выбор несколько стипендий.

Колледж ей не светил. Она не смогла бы учиться и заботиться о Мэгги.

– Хотя у нас в школе... – Длинный красный ноготь, скорее даже коготь, Талии протанцевал по папке. – Ты все сможешь начать сначала. Тебе там будет лучше, чем в тюрьме для несовершеннолетних. Или для взрослых.

Пока она тут с ней разговаривает, Мэгги сидит в этом мерзком приюте, вдыхая грязь и нечистоты.

– Прежде чем ты спросишь, я скажу, что подвох заключается в том, что школа находится в Доломитовых Альпах в Италии. И сестра с тобой поехать не сможет.

Силена моргнула, осознавая, что она только что услышала. Школа в Италии. Без Мэгги.

– Если ты поедешь со мной, – продолжала Талия, – я сделаю так, что твое личное дело, – рука похлопала по папке на столе, – исчезнет. Навсегда.

Селина внимательно посмотрела сначала на папку, потом на красивое лицо Талии. В подобных предложениях всегда кроется подвох.

– Да мне насрать на эту папку, – сказала Селина. – Я хочу, чтобы Мэгги в этом доме не было.

Талия моргнула от удивления.

– Я хочу, чтобы ей нашли хороших приемных родителей. Тех, кто захочет ее удочерить. Где-нибудь в хорошем районе: никаких банд, насилия, наркоты.

Молчание.

Селина мягко добавила:

– И я хочу, чтобы вы удостоверились, что моя мать никогда больше не получит Мэгги.

Лампы гудели. Талия царапнула ногтем шероховатую обложку папки и опустила руки на колени.

– Ты не в том положении, чтобы требовать.

Селина откинулась на спинку стула, глядя Талии прямо в ее черные глаза, не отводя взгляда:

– Если ваш клуб по торговле людьми так меня хочет, вы все сделаете.

Талия рассмеялась. Но совсем не весело.

Селина пожала плечами и стала ждать.

Талия тихонько хмыкнула, отбросив волосы на спину.

– Я позабочусь об этом.

Селине удалось скрыть удивление.

– Есть еще одно условие, – сказала Талия, встав из-за стола.

Кто бы сомневался. Селина внимательно следила за каждым ее вдохом.

– Мы уезжаем сегодня, – сказала Талия. – И вы не сможете попрощаться.

Несколько секунд Селина ничего не слышала – ни голоса Талии, ни гудения лампы, ни приближающегося к двери стука каблуков. Она слышала только эту чертову песню из мюзикла.

Песня все еще звучала у нее в ушах, когда она хрипло подытожила:

– Снимите наручники.

* * *

Взлетно-посадочная полоса частного аэропорта была пуста.

Пуста, за исключением сияющего белого самолета, с которого уже приветственно опустили трап, приоткрыв салон, обшитый сияющим деревом.

Идеально сочетается с автомобилем «астон мартин», из которого только что вышла Селина. Талия уже шагала к самолету. Потирая запястья, Селина последовала за ней, взглянув на светящийся слева силуэт города. На востоке небо уже посветлело. Рассвет.

Ее тело болело. Все болело. Не только мышцы и кости. Селина отгоняла от себя эти мысли, продолжая смотреть на Готэм. Свет и тени.

Ей в лицо ударил порыв холодного ветра, взметнув пряди темных волос. Селина поймала взгляд Талии – та уже подошла к трапу и собиралась подниматься. Наверху ее ждала стюардесса, держа в руках поднос, на котором стояли два бокала с пузырящимся шампанским.

– Это ваш самолет? – спросила Селина, когда Талия положила руку на перила и поставила ногу в дорогой туфле на первую ступеньку

– Да, мой.

Значит, эта школа... Селина снова взглянула на силуэт города. Туда, где, она надеялась, Мэгги уже едет на автобусе по улицам в сторону зелени, чистого воздуха и тишины пригорода.

Она сглотнула, поднимаясь вслед за Талией по узким ступеням самолета.

Частного самолета.

– Вы типа Уэйнов?

Уэйны много занимались разной благотворительностью, и модная итальянская школа для трудных девушек вполне вписывалась в их сферу интересов.

Талия тихонько рассмеялась и, не удостоив Селину взглядом, преодолела последнюю ступеньку и приняла у стюардессы бокал с шампанским.

– Нет. Моя фамилия аль Гул.

Два года спустя

Глава 3

Она должна стать призраком. Видением.

Селина напомнила себе об этой маленькой детали, стоя на вершине трапа частного самолета, жмурясь от слепящего полуденного солнца, которое отражалось от ангаров аэропорта для эксклюзивных рейсов, и полной грудью вдохнула позднеавгустовскую вонь Готэма.

Хоть что-то осталось неизменным спустя два года. Но что касается самой Селины...

Перемены начинались с кремовых туфель на десятисантиметровых каблуках, которые так приятно цокали по ступенькам, когда она спускалась. Дальше шли ухоженные руки с хорошим маникюром, бронзовая от загара кожа и длинные светлые волосы с золотым отливом. Образ завершал безупречно сшитый льняной кремовый костюм, который стюардесса обработала паром за полчаса до приземления. Олицетворение легких и беззаботных денег.

От избитой и израненной девушки, которая два года назад поднялась по ступенькам этого самолета, не осталось и следа. Не осталось и следа от девушки, которая сражалась и билась, чтобы защитить сестру и сохранить ей здоровье настолько, насколько возможно, особенно учитывая, что сейчас Мэгги живет в хорошеньком доме на окраине города, где о ней заботятся.

От той девушки не осталось ровным счетом ничего.

В самом деле, благодаря возможностям Лиги Убийц, ее возвращение в Готэм прошло как по маслу, все было готово, чтобы она могла выполнить то, зачем она сюда прилетела. Лига была больше и смертоноснее, чем любая преступная группировка Готэма. Практически миф. Они не подчинялись никому и ничему, как истинная природная стихия. Их цели были куда шире, чем банальная денежная выгода. Нет, Лига торговала властью. Той, что перекраивала страны. Перекраивала мир. Умным преступникам хватало ума не попадаться им на глаза. Но поистине мудрые преклонялись.

Селина глубоко вздохнула, приходя в себя, и сжала пальцы в кулак, чтобы справиться с мелкой дрожью, завладевшей ее руками. Нет места страху, сомнениям, нерешительности. Не при таком количестве наблюдателей.

Застрекотали камеры с телеобъективами, которые фотографы направили на нее сквозь сетчатый забор неподалеку.

Селина отогнала малейший намек на волнение и одарила фотографов пылким и коварным взглядом, при этом черная шляпа с широкими полями – аксессуар, венчающий ее образ, – скрывала половину ее лица. Она сделала фотографам еще большее одолжение – ступив на землю, сняла солнечные очки и лишь затем направилась к черной машине.

А затем, просто потому что, она наконец вернулась в эту яму с дерьмом, наконец-то вернулась в город, который был для нее и домом, и преисподней, она махнула им рукой и сверкнула белоснежной улыбкой – настолько яркой, что света хватило бы, чтобы осветить Готэм.

Щелк. Щелк. Щелк.

Хватило ли у этих фотографов ума, чтобы поставить под сомнение анонимный вброс слухов о приезде светской дивы Холли Вандериз, которая прилетела в Готэм после продолжительного пребывания в Европе? Или они слишком боялись показаться настолько глупыми, чтобы спрашивать, кто же только что опустился на землю города?

Сведения, которые с ее помощью просочились в их компьютеры, были сжатыми, но подробными. Ее семья занималась инвестициями. Старые деньги. Родители умерли. Братьев и сестер нет. Состояние оценивается в миллиарды.

Селина подошла к машине и водителю, который распахнул перед ней дверь.

Годы тренировок ушли на то, чтобы не благодарить кивком в ответ, чтобы заставить себя игнорировать желание взглянуть ему в глаза и хоть как-то выразить признательность.

Он не осмелился представиться. Не шелохнулся: хорошо вышколен, чтобы быть просто функцией, а не личностью.

И даже сейчас, после всех занятий и инструкций, у нее внутри все сжалось.

Ложь. Все это ложь. Ист-Энд породил меня, вскормил меня. Эти слова готовы были слететь у нее с языка, когда она садилась в машину. *Все это ложь.*

Но заговаривать с водителем не было необходимости: у него уже был адрес пентхауса в старом Готэме, который *Холли* арендовала на неопределенный срок. «Вероятно, на весь бальный сезон», – сказала она риелтору, который чуть не упал в обморок, почуяв самые большие комиссионные за всю свою карьеру.

Проскользнув на заднее сиденье, она опустила на мягкую, как масло, кожу, и водитель, удостоверившись, что ее гладкие загорелые ноги уже с удобством разместились в салоне, аккуратно захлопнул дверь. Сумка Биркин – рядом на сиденье, температура воздуха – 21 градус, на низком столике – две бутылки с прохладной водой, к спинке переднего пассажирского кресла прикреплен планшет, а в карман чуть ниже вставлена пачка влажных салфеток для лица с запахом лимона.

Не то чтобы они были ей нужны: зачем портить макияж, который она старательно нанесла перед приземлением? Невидимый тональный крем-основа, матово-серая тушь с завитком подводки и полыхающие красным огнем губы.

Она старалась не обращать внимания на мелкую дрожь в пальцах, пока красилась, – ей пришлось несколько раз встряхнуть руками, прежде чем унять тремор настолько, чтобы суметь точно нанести подводку и помаду. Волнение перед заданием ей никак не поможет, говорила она себе снова и снова. Она уже испробовала все дыхательные практики, которые знала.

Водитель сел за руль и включил радиостанцию, которую она выбрала: классическая музыка. Как человеку, который скоро станет меценатом Городской оперы Готэма, ей нужно было хотя бы притвориться заинтересованной в музыке.

Притворяться нужно будет много, потому что водитель точно станет болтать. И стюардессы в самолете тоже станут болтать. За деньги можно многое купить, но молчание гарантировано очень редко. В Готэме преданность покупается и продается молниеносно, как акции на бирже.

В таком городе преданности не бывает. Это она тоже усвоила за последние несколько лет.

Машина выехала с территории частного аэропорта, железные ворота раздвинулись, пропуская их. Селина погладила гладкую кожу сумки Биркин. Сумка, туфли, одежда, украшения – все это говорящие мелочи. В буквальном смысле. А еще – пропуска, истинные счастливые билеты в высший свет Готэма, который парил над теми, кто едва сводил концы с концами на улицах города.

Природа стремится к балансу, – как-то в Италии промурчала ей Нисса аль Гул, ее наставник и тренер. – *Даже если перегнешь на одном конце, она всегда найдет, чем это уравновесить.*

Готэм уже давно перегнул палку с богатыми и продажными. И она вернулась домой, чтобы снова все уравновесить.

Машина петляла по лабиринту улиц, а затем влилась в общий поток на автостраде, которая пересекала реку Готэм и вела в деловую часть города. Они уже неслись по мосту Браун, и перед ней расстилался южный Готэм, застроенный сверкающими высотками, которые словно копыта пронзали ясное летнее небо. Всеми правила Уэйн-Тауэр. Каждый горожанин мог по памяти набросать силуэт здания. Символ гостеприимства, как утверждали открытки.

Символ чего угодно, только не гостеприимства.

Когда она сделает все, что планировала, это станет ясно всему миру.

Она рассматривала грязно-синие воды реки через просветы в стальной ограде моста. Сколько еще тел сбросят сюда прежде, чем она исполнит свое задание?

Готэм вот-вот падет. Все, что нужно, – немного подтолкнуть.

Как же хорошо, что все так совпало, и этого лицемерного Бэтмена нет в городе – уже несколько недель о нем ни слуху ни духу. А этот Бэтвинг и все остальные просто пытаются сдерживать напор подонков, которые хотят воспользоваться его отсутствием.

Она тихо хмыкнула. Что у этих народных мстителей за смехотворные имена.

Селина отвела взгляд от реки и посмотрела на сияющий мегаполис, который приближался с каждым ударом сердца. На более темные, низкие здания Ист-Энда, размазанные по горизонту.

Вот он, дом. По крайней мере, был когда-то. Она долгое время не позволяла себе думать, что это ее дом. Старалась не задумываться, что же она может считать своим домом, если он у нее сейчас вообще может быть.

Жесткая подготовка в Лиге Убийц многому ее научила. Убила в ней отчаянную уличную девчонку, оставив ту на дне ущелья в Доломитовых Альпах. Сделала так, что она испарилась, как и кровь тех, кого Нисса и остальные научили ее побежать – карать.

Империи встанут перед тобой на колени, – поклялась ей Нисса после особенно изнурительного занятия, где им демонстрировали, как заставить человека говорить. Обещанием заронила в нее надежду, пока Селина блевала после занятия.

Нет, *дома* у нее больше нет. Но такова расплата. Она приехала сюда, чтобы удостовериться, что это все стоило того: подготовка – жуткая цена, которую пришлось за это заплатить. Она не оступится. Выполнит эту роковую миссию.

Селина вздохнула, успокаиваясь, и задержала взгляд на сияющем городе, откидываясь на мягкое сиденье. И наконец, впервые за долгое время, она позволила себе слегка улыбнуться.

Пусть Готэм наслаждается последними летними деньками.

Глава 4

Кошмар всегда повторялся.

Слепящее солнце, жара настолько удушающе сухая, что воздуха в легких не остается, плоская земля, на сколько хватает глаз, – это песок и редкие кустарники.

И потом рев. Крики. Бурлящий песок и металл.

Кровь и хаос. Выстрелы.

Это было не здесь – в другом мире, в другой жизни. В другом аду.

Потому что в аду Люка Фокса не было огня и серы. Там были друзья, с которыми он хохотал утром в столовой и которых к обеду уже упаковали в черные мешки с молнией.

Ночь за ночью. Один и тот же сон, один и тот же день.

С тех пор как он вернулся в Готэм, прошел уже год, а Люк до сих пор стремился к прежнему себе.

Кем бы тот человек ни был. Кого бы в тот день ни разорвало на части вместе с плотью, отлетевшей от ребер там, где тело не укрывал бронезилет. Как будто враг, которого они отправились усмирять, точно знал, куда заложить самодельное взрывное устройство. Оно сработало под танком, тянувшим впереди орудийный передок, и выбросило вверх шрапнель, рвущую воздух.

Рвущую его – и его солдат.

Стоило ли это того? Изматывающая подготовка и три года в морской пехоте? Смог ли он на что-то повлиять?

Эти вопросы он задавал себе снова и снова. Они неотступно сопровождали каждый его шаг, каждый вдох. Эти вопросы заставляли его каждую ночь выходить на улицы Готэма.

Люк выдохнул, его широкая грудь опала, лунный свет, сочившийся в окна, осветил зубчатую линию у него на ребрах, – на смуглой коже выпирал шрам. Он внимательно осмотрел небо – из окон его пентхауса открывался широкий вид на южную часть Готэма.

Ни намек на силуэт летучей мыши, который осветил бы ночь.

Люк не знал, разочарован он или нет.

Он посмотрел на часы рядом с кроватью. Два часа назад он добрался до апартаментов после спокойной ночной смены в патруле. Видимо, августовская жара заставила даже самых лютых отбросов Готэма остаться дома.

Люк хрюкнул, представив, как его подозреваемые выбирают кинотеатр с кондиционером, вместо того чтобы терроризировать улицы.

Он хотя бы не растерял чувство юмора. В какой-то мере.

Вот у Брюса Уэйна его вообще не было. Или он его не показал за те месяцы, что Люк с ним тренировался.

Это его отец придумал. Тогда, прошлым летом, сразу после ежегодных фейерверков, которые его семья всегда запускала у пляжного домика в День независимости. Тогда, когда с ним *это* произошло.

Люк стоял в толпе на заднем дворе с пивом в руках, а фейерверки рвались над личным пляжем его семьи – так было каждое лето, сколько он себя помнил. Но, в отличие от прошлых лет, как только в темном небе расцвели и загремели первые фейерверки, его тело сошло с ума, словно его запрограммировали, как какой-то гаджет. Он не мог сделать вдох, не мог совладать со смертельным ужасом, который его сковал. Его стреножило от ощущения, будто земля его вот-вот поглотит, будто он снова оказался в залитой кровью пустыне и его кошмар стал явью.

Его первая масштабная паническая атака. Прямо в разгар ежегодной семейной вечеринки.

Когда все это случилось, Брюс стоял рядом с ним. Он тут же заметил симптомы и позвал его отца, чтобы незаметно отвести Люка назад в дом.

Когда он наконец смог дышать, когда прежний мир вернулся, а образ пустыни испарился, накопленное вылилось наружу: он не сумел их спасти. Свою команду. Он им тогда сказал, что не понимает, сумел ли на что-то повлиять в тот день, да и вообще в жизни. Его отец и Брюс сидели с ним и слушали. Будто у них других дел не было.

Последующий диагноз – посттравматическое стрессовое расстройство: триггером в ту ночь стали гром и стрекот фейерверков, вспышки света.

И наконец лечение: групповые встречи раз в неделю и личные сеансы каждые три дня. Это нормально – хорошо. Необходимо. *Жизненно важно.*

Но его отец предложил способ лечения, который касался только его самого, Брюса и Люка. Неделей спустя они собрались в поместье Уэйнов. В тайной комнате под поместьем. Брюс тогда пообещал, что если Люк хочет на что-то повлиять, возможно, он может кое-что сделать.

В последовавшие затем тринадцать месяцев Люк узнал много нового. О себе, о том, что его преследовало, и о человеке, который жил в поместье Уэйнов.

Прекратив попытки уснуть, Люк свесил ноги с кровати, встал и вышел на балкон. Даже в четыре утра его кожу обволакивал липкий и горячий воздух. Он снова оглядел город, вслушиваясь, не прозвучит ли сирена. Что угодно, если только это выдернет его из кровати, из этого пентхауса. Что угодно, если это сможет занять его в эти предрабачные часы, когда – он знал это – сон к нему больше не придет.

Ничего. Только душная жара и молчание. Даже звезды уменьшились и поблекли, а мерцание созвездий, которые он знал так же хорошо, как имена членов семьи, расплывалось через марево жары. Их названия дребезжали у него в голове – скорее непроизвольный рефлекс, чем намеренное усилие мысли: Лира, Стрелец, Геркулес...

Люк провел рукой по коротким волосам. Он немного отпустил волосы по бокам, но все равно стригся по-военному коротко.

Какое-то движение слева привлекло его внимание.

Он напрягся каждой клеточкой кожи, принимая широкую боевую стойку.

Тридцатый этаж не остановит более изобретательных преступников, которые решили разграбить сокровищницу одного из богатейших людей Готэма.

Отблеск золота в углу его балкона.

Нет, не его балкона, а на краю балкона соседнего пентхауса, который был на одном с ним этаже – оттуда, где стоял Люк, этот угол едва можно было рассмотреть.

Вместе с источником этого золотого света показались длинные светлые волосы, слегка выющиеся на концах.

На его этаже было только две квартиры, и вторая пустовала месяцами. *До вчерашнего дня,* – вспомнил он. Вторую квартиру сняла какая-то светская дива, наследница старых денег, утверждали сплетники в интернете, куда он залез, чтобы понять, стоит ли ему ждать проблем. Холли Вандериз.

Люк перегнулся через перила, вытянув шею, чтобы увидеть обладательницу роскошных светлых волос, которые он едва успел разглядеть.

Соседка его стесняла.

Ему следовало бы купить соседние апартаменты, просто чтобы их никто не занял. Глупая ошибка. Ошибка новичка.

Теперь он должен быть очень осторожен, уходя и возвращаясь.

Возможно, ему даже придется объяснить свое странное расписание, если она станет разнюхивать.

Особенно если она станет сплетничать. Большинство людей в светском обществе сплетничают. Он выработал к ним здоровое уважение. Он своими глазами видел, как, используя одни только разговоры и сплетни, один светский лев уложил другого так мастерски, как повстанцам с пулями и СВУ⁵ и не снилось.

Его новая соседка скрылась из вида на изогнутом балконе. Похоже, она меряла его шагами.

Первая ночь в новом городе. Наверное, тоже не может уснуть.

На мгновение он задумался: не пересечь ли ему маленький общий коридор, постучать, представиться...

Но он не мог позволить себе еще одну ошибку. Знакомство подразумевало вопросы. А если Холли Вандериз и знать не знает, кто живет рядом с ней, если она никогда его не увидит и не услышит, тем будет лучше. Легче будет оставаться незамеченным.

Он не знал, как у Брюса это получалось: жонглировать образом человека, которого знал весь мир, и народного мстителя, который сражается, чтобы защищать Готэм.

Люк спрашивал его об этом во время подготовки, но Брюс не был словоохотлив. Это была одна из немногих вещей, которым он его не научил.

Еще до начала подготовки Люк хорошо умел драться, умел выстраивать продуманные, полезные сооружения. Еще до того, как Люк записался в морскую пехоту, он с одинаковым усердием тренировал и тело, и ум.

«Редкое сочетание, – часто говорила его мама, улыбаясь. – Красивый и умный». Люк в ответ всегда смеялся, отмахиваясь от нее. Хотя все официально признали, что он очень умный. Он считался гением еще до того, как выпустился из старшей школы. Можно подумать, что это очень ему помогло там, за океаном.

И сейчас он, как все думали, миллионер, плейбой, сын Люциуса Фокса, исполнительного директора «Уэйн Энтерпрайзес», получивший легкую должность в отделении прикладной науки, не слишком пользовался своим умом.

Должность ему была нужна затем, чтобы можно было пройти в Уэйн-Тауэр, попасть на седьмой подуровень и возиться сколько хочешь с костюмом, снаряжением и разными гаджетами, которые выручали его в схватке с готэмским злом. Люк иногда даже модифицировал снаряжение Брюса, так как его напарник вечно гнался за очередным улучшением. Их это сблизило – общая любовь к технологиям.

С востока горизонт заливало серым водянистым светом. У него сегодня еще один матч по боксу. Но своей матери, с которой он встретится за поздним завтраком, он об этом точно не скажет.

«Каждый твой бой отнимает у меня годы жизни», – пожаловалась она как-то им с отцом.

«Да он этим занимается полупрофессионально», – часто отвечал отец, защищая его. Он знал, что бокс, которым он занимался годами, прежде чем уехать, всегда помогал ему прийти в себя. Привести в порядок мозги.

Через год после возвращения он возобновил занятия. Как часть его постоянной, непрекращающейся реабилитации. «Но только полупрофессионально», – как говорил его отец. Как и подобает светскому льву Готэма.

Хотя он никогда не проигрывал.

Никогда.

Ни единого боя.

О чем его мать не знала и о чем никогда не узнает, несмотря на то что он отчаянно хотел с ней этим поделиться, так это о том, что они с отцом решили, что на бокс легко будет списать все травмы, которые он может заработать во время ночных походов. Своей настоящей работы.

⁵ Самодельное взрывное устройство.

В образе Бэтвинга.

Он сам придумал это имя – отчасти чтобы отдать должное подготовке, через которую он прошел вместе с Брюсом, но в основном чтобы подчеркнуть свою любимую часть костюма. Часть, над которой он больше всего работал: у него сносило крышу от понимания, какой ужас она наводит на разных подонков. Всего-то и нужна пара раздвижных крыльев, позволяющих планировать на большие расстояния, чтобы преступники наложили в штаны.

С крыльями он легко мог приземлиться на крышу дома и проскользнуть назад в квартиру. Из-за новой соседки проделать это будет гораздо сложнее.

Люк нахмурился, посмотрев в сторону балкона Холли, развернулся и ушел к себе, закрыв дверь. Выстуженный кондиционером воздух покалывал кожу.

Он придумает, как сделать так, чтобы она посчитала его невыносимо скучным.

Люк прошел в гардеробную, где автоматически зажегся свет. Он взглянул на обшитую деревом стену – там висело зеркало в полный рост. Скрытый пульт управления открывал ему путь в другую гардеробную, спрятанную под зеркалом, набитую механическими костюмами, оружием и экипировкой.

Но он взял тренировочные шорты и старую футболку времен морской пехоты и, сунув ноги в стоптанные кроссовки, вышел из комнаты.

Чуть ниже работал круглосуточный тренажерный зал. В это время ночи там никого не будет. В это время дня. Вне зависимости от того, куда можно отнести пятый час после полуночи.

Уходя, Люк краем глаза поймал свое отражение в зеркале. Кожа блестит от пота, а щеки немного впали. Мама за бранчем точно будет волноваться – она всегда была чертовски внимательна и все замечала. Особенно если он не избавится от этого пустого, застывшего взгляда.

Год прошел, а он все еще с ним.

Год он пытался привыкнуть к жизни на гражданке и справиться с ПТСР, чтобы, наконец, сделать что-то значимое и не дать этому городу обратиться в прах. Чтобы отдать дань памяти тем, кто не вернулся домой – или вернулся в ящике из дерева, – и их близким.

Люк прошел в тренажерный зал, где по глазам сразу резанули лампы дневного света и экраны телевизоров над тренажерами, включенные на разных каналах. Хотя они все были ни о чем, одни проходные истории. Правда о нашем мире рекламодателей не привлекает. И зрители, на самом деле, не хотели, чтобы легитимность их огромного дома и расточительного образа жизни подвергались сомнению при встрече с бедностью населения большей части земного шара. С безысходностью, с уродством.

Черт, да они даже на Ист-Энд не могут смотреть слишком долго, а ведь это их собственный, блин, город.

Его мать знала это. И каждый день с этим боролась. Он допускал, что ее бальные наряды и безупречно сшитые костюмы тоже были чем-то вроде брони, что ей тоже приходилось надевать маску, чтобы бороться с мировой несправедливостью, особенно будучи чернокожей женщиной в высших эшелонах власти. Он хотел бы сказать ей это. Хотел бы рассказать, что считал честью для себя возможность пойти по ее стопам, хотя его ночная борьба отличалась от того, что делала она. Она боролась на балах и в залах для заседаний, умом и обаянием одерживая верх над самыми богатыми людьми Готэма, принуждая их поддерживать ее благотворительные фонды. Его бои, если не считать тех, что на ринге, происходили там, где очень немногие осмеливались показаться.

Люк выбрал беговую дорожку, с которой можно было следить за каждым, кто заходил в зал: еще один урок от Брюса – всегда будь на чеку – и забрался на тренажер, выставив нужную скорость и угол наклона. Его тело было инструментом. Орудием. Таким же, как и любое из тех, какими он пользовался за океаном.

И даже когда Люк влился в бег, даже когда его тело покрылось потом и в легких началось жжение... Он все равно не чувствовал.

Не чувствовал себя.

Его кожа, его кости были такими же чужими, как и навороченный костюм, который он надевал каждый вечер.

Над Готэмом вставало солнце, через панорамные окна открывался широкий вид на город.

Новый день.

Он сделает все, что в его силах. Ради друзей, которые не вернулись домой, ради тех, кто живет в этом городе. Он сделает все, что в его силах.

Глава 5

В Музее древностей стояла гнетущая тишина.

В самые мрачные ночные часы безмолвие, пронизывающее мраморные залы, было так же осязаемо, как и удушливая жара за стенами раскинувшегося музейного комплекса. Его нарушал только случайный шепот кондиционера и звон ключей сонного охранника.

Селина, конечно же, не производила ни звука. Ее черные ботинки бесшумно скользили по белому полу, пока она пробиралась через залы и крылья исполинского музея, а ее шлем успешно считывал переплетения лазерных датчиков.

Это была задача, но не слишком трудная.

Сканер у нее в шлеме обеспечивал ее постоянным потоком информации, отвечающей ее запросам. Уши, слишком большие глаза – она взяла стандартный шлем или, как все говорили, Маску смерти (их в Лиге Убийц выдавали всем прислужникам) и модифицировала его.

Котенок, – доставали ее. – *Кис-кис-кис*. Прислужники и убийцы шептали, шипели и рычали ей на тренировках, в столовой, в коридорах. Одного взгляда на татуированные плечи девушки было достаточно, чтобы ее снова начали доставать. Сначала с этим разбирались ее кулаки, но так она смогла добиться только презрения Ниссы. *Контроль крайне важен. Контроль – это все*.

Селина научилась контролировать. Контролировать тех, кто доставал ее, дразнил ее ненавистным прозвищем.

И усовершенствовала свою Маску смерти. Она ковырялась с ней, когда наступала глухая ночь, забравшись поглубже в научные лаборатории комплекса. Пару раз ударила себя током и искромсала кончики пальцев, подрезая провода, но, в конце концов, Нисса удостоила ее редкой одобрительной улыбкой, когда Селина пришла на тренировку в усовершенствованном костюме: аудиодатчики на шлеме – в форме кошачьих ушей, визор в виде огромных «глаз», а перчатки для скалолазания – с острыми, как лезвия, когтями.

После этого ее больше не доставали.

Особенно когда она распорол бок Тигрис, одной из самых безжалостных убийц и инструкторов, и смогла с ней обо всем договориться.

Это случилось до того, как Нисса официально разрешила ей ходить на тренировки с кнутом.

* * *

С головы до ног в черном, дыхание лишь слегка учащенное, Селина задержалась на мгновение перед знаменитым Египетским Крылом и осмотрела лабиринт мерцающих лазеров.

Как избито: лазерная паутина, практически невидимая невооруженным глазом.

Без шлема пришлось бы прибегнуть к спрею, чтобы ее обнаружить. Еще более избито.

Но, несмотря на карту разнообразных ловушек и возможных маршрутов, которую выдал шлем, Селина изучала лазеры. Оценивала углы, просчитывала точки приземления и возможные катастрофы.

Реликвия была выставлена в пятнадцати метрах от нее. На расстоянии прямого броска через сводчатый мраморный коридор. Даже ночью маленькая бронзовая статуя кошки светилась поразительным спокойствием – дань Бастет, богине с кошачьей головой, покровительнице воинов. Защитнице детей и кошек.

Размером не больше бутылки шампуня, статуя, несмотря на три тысячи двести лет существования, была в отличном состоянии. Это, а также воротничок, инкрустированный драгоценными камнями, делали ее бесценной.

Почти бесценной. На самом деле кто-то все-таки прикрепил к ней ценник.

Ценник, который вызвал под шлемом улыбку у Селины и заставил ее приступить к работе. Она перенесла вес тела на левую ногу, подняла правую и опустила ее в самый большой интервал между лазерами.

Баланс – это ключ ко всему. В гимнастике она больше всего любила (и ей лучше всего удавались) упражнения на бревне. Она не знала почему. Большинство девочек из ее команды боялись его, с ужасом ожидая своей очереди. Ей иногда казалось, что этот страх отравляет их баланс, нарушая его.

Селина втиснулась в промежуток между лазерами, надежно заняв маленький незащищенный островок. Она надежно закрепила кнут перед ограблением – несколько раз перепроверила, чтобы он не болтался при ее движениях, а висел у нее на левом бедре будто приклеенный.

В это крыло охранники придут с обходом только через десять минут. Больше ей и не нужно. Особенно учитывая, что Селина решила заглушить сигнал с камер, и теперь у них на экранах светилось только: «Ошибка. Свяжитесь с провайдером». По несуществующему телефону, который задержит охранников еще на добрые пятнадцать минут.

Она выгнулась и встала в мостик, уворачиваясь от еще одного луча лазера. Ее руки в перчатках коснулись мраморного пола – на мгновение мир перевернулся. Она напрягла мышцы пресса и оттолкнулась ногами – ступни оторвались от пола, взмыли в воздух и, описав полукруг, мягко, как перышко, коснулись паркета.

Танец. Ее движения походили на танец. И она научилась получать от него удовольствие.

От кражи бриллианта из Музея Готэма три дня назад она тоже получила удовольствие. И от коллекции драгоценностей из магазина еще пятью днями ранее – тоже. Маленькие танцы – маленькие проверки.

Сегодня – следующая ступень. Выше.

Особенно учитывая, что две предыдущие кражи ее... разочаровали.

Конечно, она забрала то, что должна была. Но ей было даже не с кем подраться. Померяться силами. И никто ее потом не искал.

Селина опустилась на мраморный пол, проползая под нижним датчиком.

Она сделает все, чтобы сегодня было по-другому.

Перед ней открывался большой отрезок пространства, где паутина датчиков была гораздо более изощренной. Последний участок пути перед статуей, стоящей в стеклянной витрине на тумбе в центре зала.

Всего-то и нужно сделать пару осторожных бросков и наклонов.

Но разве это весело?

Большую часть жизни она была лишена возможности повеселиться. Только очень редко у нее все-таки получалось. И даже те минуты омрачали страх и тревога. Но сегодня...

Она научилась брать то, что хотела. В том числе развлечения.

Втянув носом воздух и снова проверив, надежно ли закреплен кнут, Селина наклонилась вперед.

Дело за мышечной памятью и расчетами – точными и безупречными. Великолепными.

Переворот из стойки на руках переходит в сальто назад, она взмывает в воздух и, сгруппировавшись, снова складывается в сальто, аккуратно перелетев через последнее лазерное препятствие. Приземлившись прямо у стеклянной витрины.

Тяжело дыша под шлемом, Селина ухмыльнулась, глядя на фигурку Бастет.

Она готова была поклясться, что древняя бронзовая статуя улыбнулась ей в ответ. Будто сказала: *Давай. Бери.*

И Селина взяла.

Из ее черной перчатки выдвинулся коготь из армированной стали.

Превосходно наточенный. Идеальный инструмент, чтобы вырезать круг из толстого стекла. Селина одной рукой поймала стекло, а другую просунула в витрину и положила на статую.

И тогда, как она и планировала, взревела сигнализация.

* * *

Когда приехали из ГДПП, Селины там уже не было.

Но она еще не закончила.

Статуя Бастет лежала в сумке у нее на боку, Селина сидела на самом краю крыши высотного здания и настраивала прицел винтовки.

Она не применяла к людям огнестрельное оружие. Никогда.

Она позволила Ниссе научить себя, как с ним обращаться, но свои соображения по этому поводу держала при себе. Никогда не говорила, что своими глазами видела, как оно уничтожало и разрушало, что своими глазами видела, какую боль и страдания оно приносило обитателям Ист-Энда.

Так что хорошо, что Ниссы рядом с ней не было. И очень хорошо, что в ее арсенале много других видов оружия.

Но сейчас ей нужно именно...

Селина отсчитывала секунды. Знала, что осталось совсем чуть-чуть.

Она перенесла палец на курок и начала прицеливаться, сидя на крыше двенадцатиэтажного здания, где размещалось отделение ГДПП. Для нее это самое важное здание в городе.

Дверь в отделение открылась, выбежали двое.

Селина дала им время подойти поближе к их цели. Огромному прожектору.

Она позволила включить его: пучок света пронзил небо, на белой гряде облаков проявился темный силуэт летучей мыши. Селина подарила им еще секунду спокойствия, а затем выстрелила.

Отдача ударила ее в плечо, но благодаря глушителю сам выстрел был тихим, как шепот. А вот звон разбитого стекла, покореженного железа и крики двух полицейских – нет.

Мгновение спустя Селина снова выстрелила, и благодаря ее тщательным расчетам и прибору ночного видения пуля попала точно в цель.

Она разнесла светящийся блок питания слева и затем влетела в кирпичную стену рядом с входом на лестницу.

Снова крики и проклятия, на этот раз, адресованные ей.

Но Селина поставила винтовку на предохранитель, закинула ее на плечо и прошмыгнула к лестнице, видимая едва ли больше, чем тень в ночи.

В этот раз ее все-таки будут искать.

Хоть бы они захотели поиграть.

Глава 6

Люк очень удивился, увидев, что в три часа ночи на экране его телефона высветилось имя Альфреда.

Во многом потому, что они никогда друг другу не звонили, хотя Брюс оставил Люку номер своего дворецкого на случай чрезвычайной ситуации. Такой ситуации, в которой Брюс никогда больше не вернется домой или его нужно будет незаметно забрать откуда-нибудь. К счастью, Люку никогда не приходилось звонить, но если Альфред звонил сам...

Звонок, как и сам звонивший, был вежлив, но тверд.

– Привет, Альфред, – сказал Люк, разом проснувшись и сев в постели.

– Добрый вечер, мистер Фокс, – сухо ответил ему на том конце голос с британским акцентом.

Люк свесил ноги на холодный деревянный пол.

– С Брюсом все нормально?

Лучше сразу перейти к делу. По крайней мере, Альфред тоже не был расположен к светской беседе.

– Да. Его миссия продвигается.

Он знал, что больше дворецкий об этом ничего не скажет. Люк окинул взглядом город, расстилавшийся за окнами его спальни, в попытке найти подходящий ответ.

– Рад это слышать.

Длинная пауза.

Люк успел было нахмуриться, но Альфред как раз начал:

– Комиссар Гордон связался с нами по налаженным каналам. Он говорит, ему надо встретиться с какой-нибудь летучей мышью, которая пересекает по городу.

У Люка хватило ума не спрашивать, чья это формулировка, Гордона или Альфреда.

– Что-то серьезное?

– Комиссар сказал, что дело срочное.

Звучит не очень. Между Гордоном и Бэт-пещерой был установлен тайный канал связи специально для таких случаев. И сейчас сообщения оттуда пересылали Альфреду, пока Брюса не было в городе из-за настолько секретного задания, что он даже Люку не сказал, чем именно он будет занят.

Они попрощались так же быстро, как и поздоровались, и Люк вздохнул с облегчением, положив трубку.

До этой секунды ночь была спокойная. Даже слишком спокойная. Настолько, что он решил лечь пораньше. Он не тратил эти часы на свидания с девушками, которых ему вечно сватала мама. Он вообще не ходил на свидания сейчас, когда все еще пытался вернуться к прежнему себе, сейчас, когда статус Бэтвинга подразумевал такую ответственность. И потом, девушки точно станут задавать вопросы, а он может навредить любому, кто с ним связан, если его все-таки раскроют.

Через пять минут Люк пробирался по улицам Готэма, наблюдая, как в небе сгущается гроза, и ощущая приятную тяжесть своего костюма.

И вот он уже стоит в полутемном кабинете Гордона, с костюма стекает вода на плитку, и бледный комиссар средних лет хмурится, а его рыжеватые усы подрагивают.

– Хорошо, что вы здесь.

Люк ждал, его лицо скрывала маска. Тусклый свет отражался от серебристой с голубым отливом брони, а на его груди мерцал силуэт летучей мыши.

Костюм был живой: гудел и пощелкивал, жил своей жизнью. Люк разработал, настроил и довел до ума каждый сантиметр костюма так, чтобы он отвечал его вкусам. Так, чтобы готэмские подонки были неприятно удивлены.

– А где тот, другой? – наконец спросил Гордон, прищурился глаза в очках с толстой оправой. – Давно его не видел.

Люк подошел к столу, позванивая костюмом. Металл для него выбрал Брюс, а достал отец.

– Он на секретном задании.

Не нужно Гордону знать, что он и сам понятия не имел, что за этим стоит.

– Правда?

Люк склонил голову набок: признак того, что он теряет терпение.

Да, Брюс и Люк сотрудничали с Гордоном. У них была договоренность с ГДГП, что те будут сажать преступников, которых они ловят, и прикрывать их, когда нужно. Но они не держали ответ перед полицией. Сам Люк всегда раздражался, когда надо было сотрудничать с ГДГП. И то, что он увидел минуту назад, проскользнув в отделение через вход на крыше, только укрепило его настрой. Ему почти удалось пройти по коридору незамеченным, когда он увидел темнокожего подростка, едва ли старше пятнадцати, прикованного наручниками к скамейке в коридоре рядом с изоляторами. Он вымок до нитки, и одежда облепила его худое тело. Лицо мальчишки намеренно ничего не выражало, но легкое постукивание ноги по полу выдавало его панику. Оправданную панику, учитывая, что именно Люк услышал секунду спустя, укрывшись в темной нише.

– За что ты его? – спросил полицейский, проходивший мимо.

Не подозревая, что в полуметре от него стоит Люк, второй полицейский, который, без сомнения, и привел подростка в отделение, вытирая пот с красного лица, ответил:

– За хранение травы.

– С поличным поймал? – спросил первый.

Красное лицо ухмыльнулось:

– А какая разница?

От этих вопросов и ответов у Люка кровь застучала в ушах.

Ему родители с детства объясняли, что в мире не все всегда бывает по справедливости, учили, что, несмотря на их положение, ему нужно взаимодействовать с полицейскими особым образом. Они говорили, что это нужно для его же безопасности. Что иногда то, что в голове у полицейских, не имеет к нему никакого отношения, но он все равно может от этого пострадать. Он и ребята, которые выглядят так же. Так же, как и парень на лавке.

Люк бросил на мальчика еще один взгляд: интересно, а ему тоже об этом рассказывали?

Он вышел из тени и подошел к парню. Полицейские замерли, дойдя почти до конца коридора. Выругались, заметив его.

Ни он, ни Брюс никогда не попадались никому на глаза в отделении. Никогда. Что скажут эти полицейские, если увидят, какого цвета у него кожа под костюмом? Люк замечал, что многие из тех, кто оказывался за решеткой, были очень на него похожи. Но он знал, что настоящие преступники, те, кто действительно угрожал Готэму, – вот они-то на него совсем не походили.

Люк постарался утихомирить яростное сердцебиение и кипящую от гнева кровь в жилах, прежде чем спросил у парня:

– Ты в порядке?

Парень медленно поднял голову. Он осмотрел Люка с головы до ног и задрожал. Вода с его джинсов капала на пол, но он молчал. На том конце коридора, разинув рот, стояли полицейские, не осмеливаясь подойти.

Так что Люк спросил еще раз, давая понять, что он друг:

– Ты в порядке, бро?

Мальчик по-прежнему молчал, но его глаза расширились и стали большими, как блюдца, когда он понял вопрос. Люк кивнул ему и повернулся к копам на том конце коридора:

– Принесите ему одеяло. Он весь вымок.

Они моргнули, а коп с красным лицом стал бледным, как смерть. Потом он убежал. Люк дождался, пока тот вернется с одеялом. Пока одеяло не окажется у парня на плечах.

Люк задержал взгляд на значке этого копа – на его имени и номере – и двинулся дальше. Когда они наконец скрылись из вида, Люк тут же позвонил одному из лучших адвокатов в городе, давней знакомой, с которой они вместе учились в подготовительной школе.⁶ Без лишних вопросов она пообещала приехать в участок через двадцать минут.

Люк все еще пытался избавиться от осадка после этой встречи и успокоиться, когда спросил Гордона:

– А прожектором почему нельзя воспользоваться?

– Потому что его нет.

Люк моргнул, хоть Гордон и не мог этого заметить.

– Объясните.

Гордон обвел Люка пронзительным взглядом.

Он провел перед чертовым зеркалом достаточно времени, чтобы знать наверняка, какое впечатление производит его костюм: скорее робот, чем человек. Особенно с линзами, светящимися в тон силуэту летучей мыши у него на груди. Ни следа от человека под костюмом – как он и хотел. Невозможно догадаться, кто он, кого он любит... А для врагов он хотел добиться такого же эффекта, как в «Челюстях». Гораздо ужаснее не знать, что скрывается в глубине. Воображать самое худшее.

Гордон положил на стол металлический лоток. В нем перекачивался шарик – пуля.

– Сегодня вечером кто-то в него выстрелил.

Люк подошел к потертому столу, заваленному бумагами, и взял пулю двумя пальцами.

– И куда же они хотели, чтобы я не вмешивался?

Гордон сжал губы.

– У нас нет уверенности, что преступления связаны. Но сегодня вечером произошла кража в Музее Древностей. Кто-то украл древнеегипетскую фигуру кошки, которая оценивается в один миллион триста тысяч долларов. Мы прибыли на место через пять минут после того, как сработала сигнализация. И ничего не нашли. Потом решили зажечь прожектор, и тут... Просто из ниоткуда – два выстрела. Снайперский почерк: одна пуля в прожектор, другая в блок питания.

Люк поднес камеру к лампе на столе Гордона:

– Готов поспорить, что к сегодняшней краже имеет отношение тот, кто на прошлой неделе украл из ювелирного магазина драгоценности на полмиллиона. А потом бриллиант в десять карат из Музея Готэма.

Он покрутил пулю пальцами.

– Но в музее и магазине сигнализация не сработала.

Гордон снял очки и протер их съехавшим набок галстуком.

– И что?

Люк открыл небольшой клапан кармана на левом рукаве костюма, за которым скрывался пульт управления. Он нажал несколько кнопок, отдавая команды, и линзы на его шлеме сдвинулись вперед, увеличивая пулю и считывая с нее параметры отклонения.

– И, – продолжил он, – сегодня сигнализация сработала. А нам оставили визитную карточку. Он приподнял пулю двумя пальцами. – Самодельную. Без опознавательных знаков.

⁶ Подготовительная школа – школа, в которой ученики от 14 до 18 лет готовятся к поступлению в университет.

Чистую. – Он отпустил пулю, и она упала в лоток, слегка звякнув. – Ею стреляли из гораздо более замысловатого оружия, чем то, которым обычно пользуются наши подозреваемые.

Гордон снова надел очки.

– Она не подходит к оружию из арсенала крупных банд. Арлекин хорошо разбирается в баллистике и умеет целиться, как снайпер, но у нее нет доступа к оружию такого уровня.

Люк кивнул, и Гордон стал дальше размышлять вслух:

– Ядовитый Плющ не пользуется классическим оружием, а от Загадочника уже несколько месяцев ничего не слышно. – Он почесал затылок. – Вы считаете, в город кто-то еще пожаловал?

Люк кивнул в сторону окон опустевшего участка, по которым отчаянно хлестал дождь. Да, он так считал.

– Тот, кто ворует драгоценности и произведения искусства. Первые две кражи совершили при свете белого дня. Можно подумать, что сегодняшнее ограбление...

Он снова взял пулю и взвесил ее на ладони.

– Намекает, что мы за ними не поспеваем, и поэтому они затеяли с нами игру в поддавки, – закончил за него Гордон.

Гордон замолчал. Люк хмыкнул.

– Да...

Это все, конечно, любопытно. Он видел протоколы с места преступления. Никто не пострадал, просто украдены неприлично дорогие вещи. А если они еще и Бэт-сигнал расстреляли, то можно с уверенностью сказать, какого спящего пса они дразнят.

Или спящих ночных мышей.

– Я оставлю это себе?

Люк поднял пулю. Гордон поправил очки.

– Конечно. Наши эксперты ее уже видели. Забирайте.

Гордон указал подбородком на дверь, молча дав понять, что его посетителю пора. Приказ заставил Люка ошетиниться, но он справился с гневом.

– Кроме того, – добавил Гордон, проведя рукой по каштановым с проседью волосам, – мне не кажется, что они добиваются внимания именно со стороны ГДПП.

Именно. Эта мысль проникла в самые пыльные, давно спящие уголки сознания. За океаном он был экспертом по баллистике, и эта пуля, этот новый вор...

Давай, найди меня, – будто говорила ему пуля.

И, возможно, на него как-то подействовали вспышки молний или жара на исходе августа, но Люк склонялся принять безмолвное предложение.

* * *

Селина стояла, прислонившись к двери из резного дуба, и наблюдала, как торговец древностями вписывает в блокнот очередной столбец цифр.

Он осматривал статую Бастет уже двадцать минут, золотистые лампы в его роскошном кабинете светили тускло, и только смотровой светильник над статуей горел ярко. Она все это время стояла, прислонившись к двери. С ног до головы в черном, лицо скрыто Маской смерти и глубоким капюшоном толстовки.

«Эффектно», – сказал перекупщик, пропуская ее через черную дверь. Она ничего не ответила, рассчитывая, что тишина и кнут, висящий на боку, за нее объяснят, чего ему стоит бояться. Несмотря на то что на черном рынке работало полным-полно антикваров, найти перекупщика было легко. Разумеется, статуя, украденная из Музея древностей, это дело особого рода, но Селина исследовала этот вопрос. И знала, что этот человек наверняка найдет способ сделать так, что статуя исчезнет, а вместо нее появятся деньги.

Наконец он отложил лупу, снял латексные перчатки и провел рукой по лысой, бледной голове.

– Ну, она точно подлинная.

Селина ждала, скрестив руки на груди.

Его темные глаза-бусинки сузились.

– Вы же понимаете, как тяжело будет замести следы, если я стану ее продавать? Осторожность такого уровня дорого обходится.

– Назовите цену.

Шлем искажал ее голос, но она все равно старалась говорить низко и хрипло.

Театр обожала ее сестра, но за последние два года Селина обзавелась своими приемами. Перекупщик осмотрел статую, потом ее.

– Девятьсот тысяч.

– Она стоит гораздо больше.

– Я же объяснил: осторожность дорого стоит. Нужно подделать документы о собственности, тайно переправить ее покупателю... Все вместе выходит недешево.

Селина и бровью не повела.

– Я возьму за нее миллион двести.

Перекупщик выпрямился на стуле из зеленой кожи.

– Вы возьмете за нее девятьсот тысяч, потому что вам будет крайне сложно найти другого дилера, который осмелится даже просто прикоснуться к украденной вещи подобного рода. Особенно к украденной так публично.

Он снова окинул ее взглядом, будто оценивая, сама она ее украла или нет.

Она никак не выдала себя. Только чуть пошире расставила ноги на синем обюссонском ковре и изящно парировала:

– Вам будет крайне сложно найти другую такую вещь, так как правительство Египта закручивает гайки на рынке торговли древностями.

Перекупщик положил руки на письменный стол, сплетая пальцы.

– Миллион.

Она встретила с ним взглядом.

– Миллион двести.

– Больше миллиона вам не получить.

Селина крадучись подошла к столу. Ее ноги утопали в толстом ковре. Она обернула статуетку в бархатную ткань и убрала ее в продолговатую деревянную шкатулку, которую принесла с собой.

– Посмотрим, согласятся ли с этим лондонские антиквары.

Она повернулась на каблуках и направилась к двери, отсчитывая про себя.

Пять. Четыре.

Подошла к изогнутой двери.

Три. Два.

Переступила через порог.

– Подождите.

* * *

Она удостоверилась, что деньги поступили на счет в офшоре прежде, чем покинула магазин.

Она никогда не мечтала получить столько денег – никогда даже и представить не могла, что получит. Но ей все равно не хватало, по крайней мере, на то, чтобы воплотить задуманное.

Селина не сразу пошла к себе в холодный, чистый пентхаус.

К ее ногам будто прикрутили магниты, и она зашагала по тихим, мокрым от дождя улицам, стараясь держаться в тени.

Это было несложно: чем ближе к трущобам, тем реже встречались уличные фонари.

В одном из таких островков тени она остановилась, рассматривая темный лабиринт домов впереди.

Нет смысла углубляться дальше в дебри ист-эндских улиц. Нет смысла подходить к дому.

Там нет никого, кого она хотела бы увидеть. И уж точно не осталось и самого дома, куда можно было бы прийти.

На мгновение у нее в груди что-то сжалось. Что-то, что она похоронила глубоко. Деньги у нее на счету будто поднялись в воздух и нависли над ней.

Эти деньги могут помочь тем, кто здесь прозябает. Перевернуть их жизнь. Спасти.

Позже.

Все это случится, но позже.

Игра только начинается, и нужно сделать еще очень многое.

Но все равно Селина постояла на краю Ист-Энда еще немного.

Глава 7

На следующее утро отец Люка взял трубку на втором гудке.

Сегодня пятница, а значит, Люциус Фокс сейчас сидит за своим сияющим столом исполнительного директора, в сияющем кабинете исполнительного директора и готовится к встрече совета директоров в понедельник, а потом уйдет с работы пораньше, чтобы немного поиграть в гольф.

– Люк, – поздоровался отец.

Люк улыбнулся, шагая по подземной парковке. Он всегда улыбался и, наверное, всегда будет улыбаться, слыша хрипловатый голос своего отца.

– Доброе утро, пап.

Он почти слышал, как отец потягивает свой зеленый смузи. Он выпивал по одному каждый день: «Еда для мозга», – на этом настаивала мама. Она и Люка пыталась заставить и даже купила ему соковыжималку. Но у него не хватало смелости (и наглости) сказать ей, что он даже не распаковал подарок.

Отец поинтересовался:

– В офисе сегодня будешь?

– Уже еду.

Люк нажал кнопку на брелке, снимая сигнализацию с серебристого «порше-911». Прежде чем продолжить, он расположился в роскошном салоне и закрыл дверь машины.

– Я хотел узнать, найдется ли у тебя час-другой, прежде чем ты с головой уйдешь в работу?

– Новый эксперимент?

Люк снова почти увидел, как его отец выпрямился в кожаном кресле. Брюс оказал Люциусу большую (и весьма заслуженную) честь, назначив его исполнительным директором, но отец особенно не скрывал, что его истинная страсть – это отделение прикладной науки.

Люк положил телефон в пустой держатель для стакана и переключил разговор на громкую связь.

– Жаль тебя расстраивать, но нет.

Смиренный вздох. Люк ухмыльнулся, нажал на газ и стал сдавать назад.

– Мне нужно исследовать одну пулю. Оборудование еще там?

– Может, чуть-чуть запылилось, но должно быть.

– Хорошо. А ты не мог бы...

– Уже пишу в службу эксплуатации, чтобы они отправили ее на седьмой.

Что видели сотрудники «Уэйн Индастриз» на седьмом уровне... Люк знал, что его отец хорошо им платил. Но еще он знал, что в этом городе преданность продавалась и покупалась, и именно поэтому седьмой уровень чаще всего оказывался пустым бетонным залом. Пока несколько кнопок все не изменят.

– Спасибо, пап, – сказал Люк, поднимаясь на автомобильном лифте и встраиваясь в утренний поток машин. Три километра до работы наверняка придется ехать вечность. Он ждал, что отец станет расспрашивать его о пуле, поэтому следующий вопрос застал его врасплох.

– Ты в воскресенье на вечеринку придешь?

– Какую вечеринку?

– В честь Дня труда.⁷ Фейерверков не будет, – негромко добавил отец. – Даже у соседей. Я добился, чтобы в городе приняли закон о тишине, защищающий от шума местную фауну.

⁷ День труда (Labor Day) в США отмечается в первый понедельник сентября.

Люк не мог описать словами, как много для него значило, что его отец сам решил этот вопрос за него и столько сделал, чтобы удостовериться, что ему будет комфортно. Он чувствовал, как в нем растёт чувство вины, когда ему пришлось ответить:

– Я не могу. Работаю.

Его отец знал, что он имеет в виду.

– Даже на один вечер?

– Тебя мама специально попросила вызвать у меня чувство вины?

Люк подавил желание посигналить водителю, который прохладился на полосе для поворота налево, пока зелёный свет зажигался и потухал. Даже носитель фамилии Фокс сталкивался с определёнными трудностями. Например, недавно два копа приказали ему съехать на обочину, хотя он не превышал.

У него перед глазами до сих пор стояли те двое полицейских, которые обступили его «порше» с обеих сторон. Он все ещё чувствовал, как швы обшивки врезаются ему в кожу: он держал руки на виду и сжимал руль, пытаясь противостоять закипающей злобе. Все ещё чувствовал яростную пульсацию в теле, пока он разговаривал так четко, как только мог, сдерживая свой пыл. Медленно, очень медленно он достал кошелек и права.

Но стоило копам увидеть его имя и адрес, как их глаза округлились. Полицейский, который стоял со стороны водителя, стал красным, как рак, а губы у него побледнели прежде, чем он смог выдать извинения, будто слова у него во рту были, как прокисшее молоко.

У Люка несколько часов ушло на то, чтобы избавиться от дрожи и бурлящего гнева – так сильно у него тряслись руки. Он и сейчас злился. И не только на себя.

– Я не пытаюсь вызвать у тебя чувство вины, – сухо сказал его отец. – Но я хорошо представляю, что будет с мамой, когда я скажу ей, что ты не приедешь. И пытаюсь этого избежать.

– Я бы очень хотел приехать, – вздохнул Люк. – Но пока Брюса нет в городе... Я не могу.

– Брюс в прошлом году на вечеринке был. И ты тоже. Кто тогда охранял Готэм? Альфред?

Люк сжал руль:

– Зачем я вам там так нужен?

Длинная пауза.

– Ну-у-у, возможно, мы пригласили несколько девушек, которым...

Люк взревел:

– Господи, пап. Правда? Опять?

Он любил своих родителей больше всего на свете, знал, что ему с ними очень повезло, но... они пытались свести его с кем-нибудь с той самой минуты, когда он ступил на взлетно-посадочную полосу. И когда им было нужно, они забывали, что он *вообще* не ходит на свидания.

Отец откашлялся. Люк нахмурился.

– Произошла целая серия профессиональных ограблений. День труда – идеальные выходные, чтобы нанести новый удар. Полгорода разъедется по пляжам, особенно богатые.

– Да?

– Что-то ты не очень взволнован.

Его отец хмыкнул:

– Меня скорее пугает перспектива освобождения из «Лечебницы Аркхэм» определенных лиц. Кто-то кого-то обокрал? Я, пожалуй, соглашусь на это, чем на все остальное.

Люк тоже так считал. Пока он был за океаном, в Готэме творилось черт-те что. Он не представлял, как Брюс с этим управлялся один.

– Я найду, чем загладить свою вину перед тобой. И мамой.

– Походом на бал Музея Готэма на следующей неделе.

Люк снова застонал:

– Ты уже все заранее продумал?

Его отец рассмеялся:

– Ну, меня же не просто так исполнительным директором назначили.

Люку удалось проехать десять метров по пустому проспекту, прежде, чем он снова застрял в пробке.

– Скажи маме, что я пойду на бал.

Такое событие... Люка внезапно осенила идея, взбодрив его сильнее, чем чашка кофе. Такое событие открывает перед ним заманчивые возможности.

– Хорошо. Твоя мама и девушки будут тебя ждать.

Люк невольно засмеялся.

– Ладно, ладно...

Он скорчил рожу пробке.

– Заскочу к тебе минут через двадцать.

– Захвати с собой хот-дог, ладно?

Люк поднял брови.

– Этот смузи из шпината на вкус как холодные объедки.

Всю дорогу до «Уэйн-Тауэр» Люк хихикал.

* * *

Анализ пули ничего не дал. Ни зацепки. Пуля-призрак. И ничего – вообще ничего – не произошло в День труда. Будто преступники тоже разъехались по пляжам.

Неужели *все* уехали из города?

Когда неделей спустя Люк поднимался в лифте, согнув пальцы крючком и придерживая чехол для одежды, в котором лежал отглаженный смокинг, от одной мысли, что через несколько часов ему идти на бал Музея Готэма, он почувствовал себя мерзавцем. Первый бал сезона – самый яркий и освещаемый в СМИ.

Но он шел туда по другим причинам и надеялся, что это принесет свои плоды, так как на прошлой неделе вор тоже никак не дал о себе знать. Но все может измениться, когда ему преподнесут на тарелке такой лакомый кусочек. Люк улыбнулся, и в это время двери лифта разъехались, открыв залитый солнцем коридор.

И сногшибательную блондинку, которая шла ему навстречу.

Она была очень молода, на вид – лет двадцать, всего на несколько лет младше его. Увидев его, она резко остановилась. Люк взял себя в руки и слегка улыбнулся, вытянув руку, чтобы придержать лифт.

– Моя новая соседка? – спросил он, когда она с легкой улыбкой продолжила движение.

Да, сногшибательная – это явное преуменьшение. Спортивный костюм не слишком скрывал длинные, стройные ноги. А тонкая спортивная кофта выдавала узкую талию. Когда она остановилась перед ним, он взглянул прямо в ее зеленые глаза и... Вау.

– Я уже думала, мы никогда не встретимся, – сказала она.

Голос у нее был низкий и невозмутимый. Ни намек на акцент, наверное, училась в Европе в школе-интернате. В Швейцарии, если бы ему пришлось биться об заклад. Она протянула ему загорелую руку с роскошным маникюром ладонью вниз – жест его мамы и других светских львиц Готэма. Будто бы никто не удивится, если он ее поцелует.

– Холли Вандериз.

Он предпочел рукопожатие и был удивлен мозолям на ее ладони. Наверное, она занимается по системе «Кроссфит». Несмотря на жакет с длинным рукавом, он все равно заметил аккуратный рельеф ее рук.

– Я знаю, кто ты, – сказал он, слегка улыбаясь.

Обычно девушки при этом краснели и начинали хихикать.

Она только чуть склонила голову набок, и с ней наклонилась копна золотых волос.

– Ну, у тебя есть преимущество.

Ни намек на улыбку или румянец. Интересно. Тогда он перешел к плану Б: плутовская улыбка.

– Люк Фокс.

Лифт начал пищать, упрямо настаивая, чтобы они или вышли, или зашли.

– Можешь отпустить.

Она сказала это таким тоном... Явно привыкла приказывать. И привыкла, что ей повиноуются. Наверняка старые деньги. И, возможно, с ними в комплекте какой-нибудь титул Старого света.

Люк отпустил двери лифта, и они закрылись.

– Прости, что не зашел поздороваться. – Он приподнял чехол для одежды. – Напряженное выдалось лето.

Холли снова стрельнула убийственными зелеными глазами.

– Ты идешь сегодня на бал в музей?

Только по работе, подмывало его ответить, но Люк похлопал по чехлу для одежды.

– Как раз иду собираться.

Она подняла брови: темнее, чем ее светлые волосы.

– Тебе нужно три часа, чтобы одеться?

Люк подавил смешок.

– А если да?

– Тогда я могу занести тебе маски для лица, устроим вечеринку.

В этот раз Люк рассмеялся.

– А ты идешь?

Кивок.

– Советы для новенькой?

Не счесть. Первый. Никогда не ввязывайся в круг бальных завсегдатаев. Но скорее всего она была рождена и воспитана именно для этого. Что его, честно говоря, несколько разочаровало.

– Держись подальше от бара с морепродуктами после того, как приедет Жалкин Бруксфилд. Она берет кровать, а отходы кладет обратно. И так с каждой.

Холли хрипло рассмеялась.

– Отвратительно. – Она обернулась через плечо, кивнув на его дверь. – Ты один здесь живешь?

– У моих родителей свой дом в пригороде.

– У родителей, значит? А няня к тебе приходит, когда ты один в городе?

Он закатил глаза.

– Очень смешно.

Холли снова рассмеялась, и ее низкий смех волной пробежал по его телу. Она наклонилась к нему, нажав на кнопку, чтобы вызвать лифт. Он не удержался и спросил:

– А твои родители где живут? На вид тебе не больше, чем студентке.

Он понял, что не стоило спрашивать, видя, как она напряглась.

– Они умерли много лет назад.

Люк нахмурился.

– Прости, – сказал он. – Мне очень жаль.

Даже пройдя через очень многое, этого он все равно не мог себе представить. Потерять родителей... Он бы никогда не смог оправиться.

Холли смотрела, как лифт отсчитывает этажи.

– Спасибо.

Воцарилась гнетущая и неловкая тишина, и Люк вдруг спросил:

– Подвезти тебя на бал?

– Нет, спасибо. – Она снова одарила его своей аккуратной улыбкой. – Меня подвезут.

Он моргнул. Обычно они соглашались. Обычно они сами просили его.

– Что привело тебя в Готэм?

Холли изучала наманикюренные ногти, пытаясь найти какой-нибудь изъян. На лице у нее отразилась скука: Люк уже сотни раз видел такие лица – в подготовительной школе, на балах, на бранчах.

– В Европе стало скучно.

Такое может сказать только тот, у кого слишком много денег и слишком мало дел. Тот, кто никогда не был голоден, испуган или обеспокоен тем, как живут остальные.

И не задумывался, как он может им помочь. Когда Люк рос, у него было все. А у его родителей – нет. И они воспитывали его так, чтобы он ценил то, что имеет. Все, с чем он столкнулся как Бэтвинг и в морской пехоте, только усиливало это осознание и благодарность. И подчеркивало, что у Холли их явно не было.

Искра, оживившая его кровь, погасла.

– И нет подходящей работы, чтобы развлечься? – глухо спросил он, надеясь, что ошибается.

Снова этот пресыщенный взгляд.

– А зачем я стану заморачиваться работой?

Довольно. Он уже слышал довольно. Видел довольно. Сотни раз встречал таких, как она. Вырос рядом с ними. Зачем заморачиваться работой? Зачем заморачиваться волонтерством, когда можно просто отдать деньги и со спокойной душой кричать о своем вкладе на каждом углу. Пожертвования оформлялись скорее ради налогового вычета, а не из любви к ближнему – сколько раз он это слышал. И Холли ничем от них не отличалась.

Люк поднял руку, прощаясь.

– Надеюсь, мы сможем тебя развлечь.

Он направился по коридору к своей двери.

И скорее почувствовал, чем увидел, как она обернулась посмотреть на него.

Когда двери лифта раскрылись, а он вставил ключ в замочную скважину, Холли произнесла:

– До встречи, Люк Фокс.

В ее голосе слышалось обещание, и его подмывало пояснить ей, что из всех женщин в Готэме он в последнюю очередь пригласит к себе Холли Вандериз.

Но он решил ничего не говорить в ответ, надеясь, что таких, как она, это выводит из себя сильнее, чем любая грубость.

Он обернулся через плечо, когда двери лифта закрывались.

Но она опять изучала свои ногти и хмурила брови, обнаружив какой-то изъян.

Обманчивая и пустая.

Притягательная, но испорченная.

Глава 8

Высокомерный. Прекрасно осознает, что очень привлекательный.

Так Селина описала для себя Люка Фокса.

Обмануть его было удручающе просто. Заставить его верить тем пафосным, испорченным словам, которые слетали у нее с губ. Он ничем не отличался от других: видел только то, что хотел увидеть.

Чего хотел он сам, она прочитала за доли секунды: чтобы кто-то развлек *его самого*.

Она знала, на какие точки давит, когда говорила, что в Европе скучно и ей незачем работать. Осознанно нажимала на то, что он ненавидел, от чего он, скорее всего, отчаянно хотел скрыться, и новая соседка его заинтересовала, но... Она надеялась, что он окажется чуть более подозрительным – призналась себе Селина. Чуть более настороженным – настолько, что сможет заметить, что ногти, волосы и речь без намека на акцент были фальшивкой.

Иногда ей казалось, что от Селины Кайл ничего не осталось. Будто она ушла навсегда, а ее тело превратилось в личину оборотня. Личину Холли. Облачение и оружие.

Эта мысль прозвенела в ней, пустая и холодная.

За те две недели, что она провела здесь, никто из богачей Готэма не распознал самозванку. Ходи в правильные рестораны, на правильные благотворительные вечера, и приглашения польются рекой. Холли Вандериз, по уши в иностранных деньгах, уверенно шла к тому, чтобы стать светской дивой сезона.

Интересно, дойдет ли когда-нибудь до этих идиотов, что она показывалась на тех вечеринках, после которых гости, вернувшись домой, обнаруживали пропажу изумрудного браслета или «ролексов».

Но эти маленькие кражи нужны были только для того, чтобы они занервничали. Начали сомневаться друг в друге.

Ловкость рук она во многом освоила еще с Пантерами. Селина до сих пор помнила свое первое ограбление. До сих пор часто его вспоминала.

Ее руки тряслись.

Она не могла думать ни о чем другом, сидя в парке на скамейке в середине рабочего дня и разглядывая прохожих. Как поймают ее из-за того, что у нее трясутся руки! И бросят в тюрьму.

Мимо текли люди, и она перебирала их лица, одежду, поведение. Сразу отметала старых, детей и тех, кто выглядел бедно. Она не стала рассказывать Мике о правилах, которые выдумала, но вряд ли Альфе будет не все равно. Главное, чтобы Селина принесла ей что-то стоящее, что-то, что можно продать. То, что может подтвердить: она свое место здесь заслужила.

Селина засунула руки в карманы древней серой толстовки, рядом с ней на скамейке стоял ее рюкзак. Она сидит тут уже час, пришла незадолго до обеденного перерыва – толпа людей рвется глотнуть свежего воздуха, прежде чем возвращаться к работе, которая выжмет из них все соки, в высотки, нависшие над городским парком.

Ее возьмут в долю, объяснила ей Мика. Что бы она ни украла – ее возьмут в долю. Возможно, денег хватит на хороший обед для Мэгги. Возможно, останется даже на десерт.

Из-за раскидистых дубов показался мужчина в костюме. Селина подавила желание вскочить, пока он шел по многолюдной аллее, уткнувшись в телефон и постукивая большими пальцами по экрану.

Дорогой костюм. Отполированные ботинки. Зачесанные назад волосы. Ни капли интереса к тому, что происходит вокруг. И ни капли страха.

Она осмотрела его брюки. В передних карманах бумажника не видно, но... Она заметила, как одна сторона пиджака при каждом его шаге покачивалась чуть медленнее – как будто была тяжелее, чем другая, – пока он приближался к ее скамейке.

Она забросила рюкзак на плечо, достала телефон-раскладушку, начала делать вид, что печатает, и быстро зашагала.

Прямо в него. Со всей силой.

Мужчина ругнулся, выронив телефон на землю, а рюкзак Селины взлетел в воздух, и из него на асфальтированную дорожку высыпались ручки и мятые тетрадки. Врезавшись в мужчину, она охнула и схватилась за него.

Селину кольнуло чувство вины, когда он изогнулся, чтобы подхватить ее, беспокоясь больше о ней, чем о своем телефоне. Но он только посмотрел на нее мельком, прежде чем оглядеть раскиданные вещи, среди которых теперь лежал и его телефон.

Сердце Селины билось ужасно громко – удивительно, как мужчина не слышит этого, – когда она произносила: «Простите, пожалуйста...»

Она отодвинулась, вынув бумажник, спрятанный во внутреннем кармане его пиджака, выверенным движением руки. Селина думала, что он заметит отсутствие привычной тяжести. Заметит, что она положила его бумажник в карман своей толстовки.

Но он отвлекся, сердито бросившись за телефоном. «Смотри куда идешь, дура», – огрызнулся он, когда понял, что экран телефона разбит.

Ублюдок. Как презрительно он на нее посмотрел, оглядев изношенные джинсы, потертую толстовку... Он по заслугам лишился бумажника.

Селина продолжала притворно моргать, уставившись на него, и сгребала вещи обратно в рюкзак, который она до этого предусмотрительно наполовину расстегнула. «Простите», – пробормотала она снова.

Он покачал головой, глядя на нее посреди кучи вещей, и удалился.

Скорчившись на земле, Селина незаметно следила, как он уходит. Ждала, что он хлопнет по карману и обнаружит пропажу.

Но он был слишком зол из-за разбитого телефона, чтобы думать об этом. Селина собрала вещи и отправилась на другой конец парка, в этот раз надев рюкзак на оба плеча. Ее ждала Мика. В связке с Ани.

Селина оглядела парк, улицы – искала глазами полицейскую форму, машины с мигалками. Ничего не нашла. Тогда она передала бумажник Мике. Та одобрительно кивнула в ответ.

Когда они зашагали как ни в чем не бывало, чтобы скорее покинуть это место, Ани заметила:

– Я думала, ты будешь такая типа лютая гимнастка...

Селина молчала. Она провела с Пантерами три недели и знала, когда рта раскрывать не нужно.

Ани только усмехнулась, хлопнув ее по спине.

– В следующий раз попрыгай там, покувыркайся.

– Так внимание от себя не отвлечешь, – возразила Мика.

– Да, но смотреться же будет супер.

Через неделю желание Ани исполнилось. Они вскрыли магазин техники, и там, чтобы отключить камеры и сигнализацию, нужны были гибкость и выверенные движения. В итоге эта задача досталась Селине, единственной гимнастке из всех.

И в итоге ей же достались двести долларов, когда все провернули. С тех пор прошло уже пять лет. У Мики и Ани она узнала многое, учась на своих ошибках.

Но в Лиге Нисса и Талия научили ее гораздо, гораздо большему.

Заставь Готэм встать перед тобой на колени.

Кражи – это только начало. Начало гибели. А деньги – чудесное дополнение. Бонус. Только ее.

А сегодня вечером...

У вселенной есть чувство юмора, решила Селина, заходя в тренажерный зал, чтобы размяться: смесь из старых гимнастических упражнений и того, чему ее научили в Лиге. Потому что главный приз сегодняшнего вечера... принадлежал человеку, который жил рядом, за соседней дверью.

Она выбрала эту квартиру именно из-за близости к одному из самых богатых и известных людей Готэма. Никому и в голову не придет поставить под сомнение личность соседки Люка Фокса.

Она видела, что в Ист-Энде с чернокожими обращаются как с людьми второго сорта, и в глубине души ей хотелось знать, сталкивался ли с таким сам Люк Фокс. Но, судя по тому, что она слышала, все относились к нему как к особе королевской крови.

Ей Люк показался просто симпатичным мальчиком, который привык получать все, что хочет. Которому, скорее всего, нужны мускулы только для того, чтобы любоваться на себя в зеркало.

В Готэме таких, как он, полным-полно, и сейчас, когда лето кончилось и начался балльный сезон, все сопляки из трастовых фондов и индустриальные гиганты переезжали из пляжных поместий в город.

Селина зашла в тренажерный зал, улыбнувшись журналисту в телевизоре над ее любимой беговой дорожкой, с которой удобно было следить за входом в зал. Он вышел в прямой эфир из музея, расположившись в центре красного ковра и предвкушая грядущий бал.

Бал, где выставляется картина стоимостью в десять миллионов долларов, размером с лист бумаги. Музей только что получил ее во временное пользование от великодушного Люка Фокса, обладателя частной коллекции живописи.

Селина ухмыльнулась, встала на беговую дорожку и забрала, по ее мнению, нелепые светлые волосы в тяжелый конский хвост.

Люк Фокс вполне может себе позволить это расставание.

* * *

Селина уже побывала в Музее изобразительных искусств Готэма. Разумеется, на этой неделе она изучила входы и выходы, потолочные и все остальные окна, а также близлежащие улицы под покровом темноты. Случайный прохожий, скорее всего, заметил бы только, что на ступе соседнего дома сидит, сгорбившись, горгулья или как в соседнем переулке едва ворочается непроглядная тень.

Она наблюдала за музеем уже пять дней – пять дней запоминала, как чередуются охранники, какое у них телосложение, оружие. Пять дней выстраивала план, будто расставляла по местам фигуры на шахматной доске.

Наемники в Лиге опирались в таких случаях на технические приспособления – на свои модные гаджеты. Но все это может подвести. И хотя она, разумеется, воспользуется своими приборами, когда гости покинут бал, а образ Холли Вандериз заменит на другой, более удобный, Селина хотела знать каждый сантиметр музея на ощупь.

Она обожала планирование не меньше, чем сами ограбления. Так всегда было. Найти способ пробраться внутрь, разгадать загадку, которую задавали охранники, сигнализация, выходы... От этого в ней что-то вспыхивало... Даже сейчас, когда благодаря тщательной подготовке она опиралась в основном на мышечную память.

Возбуждение еще трепетало в ней, когда она вальсировала с исполнительным директором одного из крупнейших в Готэме инвестиционных фондов по сводчатому, пышно украшенному главному залу музея.

Пункт первый. Пусть Готэм увидит, что Холли здесь, удостоверится, что она – одна из них, а она пока сможет впервые взглянуть, где картина выставлена, как ее охраняют. Ее повесили прямо перед началом бала в соседнем зале, куда посетители заходили с бокалами шампанского, чтобы в одиночестве насладиться произведением искусства и поразмышлять о возвышенном.

Или зачем они еще туда ходят. Но для нее это только упрощало задачу будто небрежно взглянуть на картину. Она займется этим сразу же, как только окончательно охмурит этого нахохлившегося идиота, который ведет ее в танце.

Ист-Энд был жесток, но там, по крайней мере, жили настоящие люди. Они не переплетали ложь и обман, ловко орудуя словами и ослепляя блеском роскоши. Конечно, им тоже нельзя было доверять, но... Между жителями Ист-Энда и ее нынешним окружением она, не задумываясь, выбрала бы первых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.